

ПИСЬМА И. П. НОВОСИЛЬЦОВА К А. А. ФЕТУ

Часть III*
(1888—1890)

(Публикация Е. В. Виноградовой)

70

15 (27) января 1888

С. Петербург, Дворцовая набережная,
26. Января 15-го 1888.

Дорогой друг Афанасий Афанасьевич, письмо твое от вчерашнего числа получил и спешу отвечать несколькими строками на то именно, что ты пишешь о курском деле: я не мог написать вице-губернатору Лазареву в Курск, потому что ждал от тебя хотя некоторых положительных данных о деле.¹ Хотя бы число, от которого ты получил решение присутствия, или № бумаги. Я бы вкратце упомянул о деле и потом уже рас<пространил>ся бы о характере решения. Ты улизнул из С. Петербурга с быстротою волшебною, а написал из Москвы письмо, в котором ты мне объясняешь, как тебе советовали поступить, чтобы обжаловать решение вопиющее. И вот все, что мне, через тебя, известно по твоему делу, и никакой записки ты мне не оставлял, одну записку мы прочли с тобой, когда ты ко мне забегал здесь. Московские ведомости от 14-го текущего прочту² и потом напишу, что об этом моим слабоумием помышляю, а потом посмотрю, как и что, и нельзя ли будет дать ее прочесть en haut lieu!³

* Окончание. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год (СПб., 2006. С. 179—217) и Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы (СПб., 2009. С. 443—512). Далее именуется как «Часть I» и «Часть II» соответственно. Уточнение: в публикации II части писем И. П. Новосильцова к А. А. Фету в примеч. 4 к п. 36 (с. 464) следует читать «Нечаева (урожд. Вяземская)», а не ошибочное «Волконская».

³ в высшем кругу (*фр.*).

Вот тебе и строки мои; если хочешь, чтобы я написал в Курск — само собою разумеется, что на это у меня полнейшая охота тебе служить по мере неважных сил своих. Я видел великого князя Константина Константиновича и говорил с ним о тебе, он отзывается о тебе с увлечением и очень сочувственно и спросил меня, смеясь, «а за что, мол, он Вас так сердечно любит?». Этот вопрос меня порадовал — а отвечал я, смеясь, куплетом, некогда слышанным мною во французском театре в Москве:

C'n'est pas ma faute n'j'suis aimable,
C'est la nature qui est coupable!^a

Вот тебе куплет самохвала.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

Мой сердечный поклон Марии Петровне.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 16 янв. 1888;
2) Москва, 17 янв. 1888.

¹ Речь идет о тяжбе Фета с крестьянами, начало которой восходит к 1887 г. и которую Фет в конце концов выиграл в 1889 г. См. примеч. 17 к письму А. А. Фета Я. П. Полонскому: Переписка с Я. П. Полонским. 1846—1892 / Публ. и коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Литературное наследство. М., 2008. Т. 103, кн. 1. С. 719—720.

² В № 14 (1888) «Московских ведомостей» (с. 3—4) была опубликована статья Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений за подписью «деревенский житель». В статье снова идет речь о реформе самоуправления: обсуждаются вопросы о ее конкретной цели, о том, как оградить личность и собственность каждого гражданина, какие меры нужны для улучшения сословного крестьянского суда и др.

71

26 марта (7 апреля) 1888

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Марта 26-го 1888.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, на днях я получил твое милое письмо от 16 текущего марта и хотел тотчас же отвечать тебе совершенно в том же настроении и с тою же целью: «Я пришел посидеть и посмотреть на Вас и сейчас уйду», — сказал тебе как-то гр. Лев Николаевич Толстой. Я взялся за перо, но кто-то вошел ко мне, и я отложил мое писание с сего дня. Нынче утром племянница мне прочла в «Новом времени» и пришла мне показать объявление о смерти бедного Пети Борисова. Объявление гласит так: «Петр Иванович Борисов скончался 24-го марта в больнице Св. Николая Чудотворца, отпевание имеет быть в больничной церкви в понедельник, 28 марта. Литургия начнется в 10 часов. Погребение на Смоленском кладбище».

^a Не моя вина, что я нелюбим: виноват мой характер (*фр.*).

Надеюсь, что здоровье мое позволит мне быть при этом, хотя теперь не выезжаю — у меня болит нога, был нарыв, который прорезали, и я торчу дома с поднятой сверху ногой. А вась, Бог даст, в понедельник мне можно будет поехать туда. Жалеть о смерти несчастного Пети у меня не хватит духу, так как я постоянно и думал и даже Богу молился с мыслию, что — если не суждено ему выздороветь — смерть лучше ужасной жизни. Сергей Петрович Боткин мне еще недавно говорил, что, по его мнению, болезнь неизлечимая — разве чудом! И вспоминается мне и Ваня Борисов, и покойная сестра твоя, и три могилы врозь!¹ Неисповедимы судьбы Божии и только «маленькими проблесками» и верую иногда можно дать себе отчет в причинах некоторых непостижимых явлений! Ни слова больше.

Ты уже в Воробьевке, вот удивление, отчего так рано ты забрался туда? Неужели ты не любишь встретить и провести Пасху в Москве, где у Марии Петровны семья? Этого не понимаю, но смиренно допускаю, потому что и в прошлом году ты то же сделал. А я в такие дни сам не свой, все во мне как-то торжественно, и молитва, и мысли, тут и воспоминания детства, и покорность воле Божией, и надежда, и вера в Его благодать, милость и любовь! Ни слова больше.

Не знаю, когда до тебя дойдет настоящее письмо и есть ли у тебя сообщение со станцией, с Воина мне пишут, что письма доставляются и пешими посланцами, ибо пути нет никакого. Проектов я не делаю никаких, разве только легкие предположения отправиться на Воин в мае. А там что Бог даст! Ты начинаешь свое письмо, поминая графа Льва Николаевича Толстого, зашедшего к тебе, когда уже все гости твои разъезжались и проч. Как мне жаль, когда только услышу что про графа Льва Николаевича. Экий злой рок преследует даровитых людей на Руси, теперь во всех магазинах картин выставлена фотография раскрашенная с портретом графа, одетого мужиком и пашущего сохой на кляченке, и с такой же кляченкой, запряженной в борону, писано Репиным!² И это даровитый граф Лев Николаевич Толстой, автор военных рассказов, «Войны и мира» и проч. Человек, которого Герцен убоялся, когда с ним виделся в Лондоне,³ человек, про которого как-то покойный князь Петр Андреевич Вяземский рассуждал, говоря, что при большом литературном таланте он, к счастью, что французы называют «enfant de bonne maison»⁴ — качество, совершенно отсутствующее у всех наших нынешних литераторов, не исключая и Тургенева.

Помнишь ли ты историю ссоры Тургенева с Толстым у Вани Борисова, когда они должны были драться на дуэли? Началась перебранка от замечания Толстого, что человек порядочный не может выставлять описание своего отца или матери, или близких, как то делал Тургенев в своей повести «Первая любовь».⁴ Это объяснять тут нечего, как только в человеке есть доля хамства, он это полагает возможным, а другие люди (enfant de bonne maison) этого допустить не могут и постичь не в силах! И вот этот самый граф Лев Николаевич дурит, глумит и рисуется! Право, это блажь недостойная! А дураки, которые

¹ дитя из хорошего дома (фр.).

следуют его примеру, как, например, молодой Чертков?⁵ Который глуп и которого пример и дурь умного и порядочного человека сбили с толку и сделали посмешищем, а для родных и его матери предметом горести. Я уверен, что Толстой подурит, подурит и очнется, так же как и с своей педагогикой и школой в Ясной Поляне! А тех, которых он своротил своим примером? За это его накажет Бог; в этом я не сомневаюсь. Гордость, гордость и гордость! Прости меня, что я заболтался с тобой, вместо того чтобы так посидеть да посмотреть на тебя! а потом пойти спать.

Ты в письме твоём коснулся финансовых соображений о понижении рубля и проч. и что чем ниже рубль, тем нам лучше, продавцам за границу! Тако ж не совсем, мы продавали по лучшим ценам тому 3, 4, 5 и 6 лет, а рубль стоил в то время не 50 копеек, а 90 и 80. Если ты можешь объяснить это, радуюсь за тебя, я же понимаю, что когда финансы в порядке, то и цена лучше, а не наоборот. Впрочем, я тут, как в потемках, а суждение свое я имею только когда ясно вижу, и говорю только о том, что разумею или по крайней мере полагаю, что вижу ясно и понимаю правильно.

Преданный тебе сердечно
И. Новосильцов.

Привет и поклон Марии Петровне.

Как мне симпатично, что пишет Соловьев, твой приятель.⁶

На конверте: Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 28 марта 1888;
2) Москва, Южная ж. д., 29 марта 1888;
3) Коренная Пустынь, 30 марта 1888.

¹ Действительно, Борисовы были похоронены в разных местах: Иван Петрович в Орловской губернии, в своем приходе Верхнее Ядрино рядом с родными; его жена Надя (сестра Фета) — в Петербурге, на Митрофановском кладбище, и теперь их сын Петя — на Смоленском.

² Этот портрет, написанный И. Е. Репиным в 1887 г., хранится в Государственной Третьяковской галерее.

³ Л. Н. Толстой встречался с А. И. Герценом в 1861 г., когда приезжал в Лондон, и подверг резкой критике жизнь за границей, в которой был глубоко разочарован (и высказал это в своем рассказе «Люцерн»). Об отношении Толстого и Герцена см. также статью В. З. Горной «Особый взгляд Л. Н. Толстого на отношение А. И. Герцена к революции и христианской религии» в «Толстовском ежегоднике» за 2003 г. (Тула, 2006. С. 212—224).

⁴ Подробное об этом см.: *Виноградова Е. В.* Еще раз о споре Тургенева с Л. Толстым (по неизданным письмам И. П. Новосильцова к Фету // А. А. Фет и русская литература. Курск, 2003. С. 232—235).

⁵ *Чертков Владимир Григорьевич* (1854—1936) — издатель, публицист, сотрудник и друг Л. Н. Толстого, убежденный сторонник «толстовства», который активно пропагандировал его учение и творчество; редактор многих изданий сочинений Толстого.

⁶ Речь идет о статье В. С. Соловьева «Россия и Европа», см. Часть II, п. 63, примеч. 1.

21 апреля (3 мая) 1888

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Апреля 21-го 1888.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, вот что значит не сейчас следовать первой рождающейся мысли и первому впечатлению! Затянул ответ на твое милое письмо и глупо поступил. «Défiez-vous de la première impression, ou de la première pensée parceque c'est la bonne...»,^a — говорил, кажется, весьма цинично Вольтер! Я же отложил ответ тебе не по этому правилу, а напротив, хотел написать и потолковать с тобой пообстоятельнее, потолковее! Занялся всяким другим делом или делишками и вышло не толковее, а только неаккуратнее, — morgen, morgen, nur night heute, sagen immer trage Leute!^б

Прости великодушно запоздалость ответа: а хотелось мне написать тебе что-либо убедительное о выражении «*enfant de bonne maison*», и чувствую, что не сумею тебе передать смысла этого выражения! *Enfant de bonne maison* — это выражение старого французского склада: ребенок, воспитанный с первых лет в чувстве нравственного приличия, т. е. и скромности и в почтении и повиновении некоторым правилам, благовоспитанный не только во внешних отношениях людей между собой, но одинаково и в отношении внутреннем или духовном людей между собой. *Enfant de bonne maison* почти бессознательно таким является — это часть благовоспитанности, деликатности внутренней и внешней, которая от колыбели влагается соблюдаемым внутренним и внешним приличием! Боюсь завраться, потому что на днях как-то толковали об этом, и двое собеседников мне сказали как-то, что этого определить словами нельзя, *cela se sent*,^в и положили конец разговору, а я хотел тебе мою мысль объяснить словами и чувствую, что ничего ясного не выходит. Ты обещаешь выслушать меня, когда поедем на мировой съезд и порадуетесь Воин своим посещением, пусть так, отложим *difinitionem periculosum*^г до теплого денюка!

У нас здесь погода не весенняя, перед моими окнами Нева покрыта сплошным Ладожским льдом, и мост Троицкий разведен, идет дождь. Как Лорис-Меликов мне сообщил в один нежаркий летний день, что солдаты его, пришедшие в Ерзерум, ему сказали: «нам сказывали, что в Ерзеруме климат хороший, пришли, а климату и совсем нет никакого!». Так же и здесь: что за климат. Ожидаю сегодня полоумную мою сестру Софию Петровну, прибывающую в четверг на Страстной из Парижа! Можно ли пускаться в путь на Страстной неделе? Без особой причины? Когда весь христианский мир молится Богу? Непонятные правила управляют мыслию моей сестрицы! А душой все-таки ее назвать нельзя. Я вполне раскаиваюсь, что тебе замечал о том, что ты удалился в деревню

^a Не доверяйте первому впечатлению или первой мысли, потому что она хороша... (фр.).

^б Завтра, завтра, не сегодня — так лентяи говорят! (нем. поговорка).

^в это чувствуется (фр.).

^г опасное определение (лат.).

на Пасху. Вполне понимаю, что ты действовал по расчетам экономическим! А эти расчеты — вещь серьезная. Не хочу в Страстную неделю тебе писать привета с праздником, но если Бог милостив, встречу праздник благополучно — вспомню о тебе и Марии Петровне.

Нового ничего пока нет, и слава Богу, и на этом спасибо! Людвиг 18-й, возражая герцогу Блакасу, предлагавшему какое-то улучшение, сказал ему: *il ne faut jamais oublier que dans toute amélioration il y a un danger — celui de l'innovation, ne perdre point ce danger en vue et améliorer si c'est possible.*¹ Эта опаска у меня в крови и плоти, семь раз отмерь, один раз отрежь. Так-то я хозяйничаю, и в общем выводе — дело идет спокойнее, может случиться и то, что пропустишь удобный момент, ну это уже обратная сторона медали! Не заглядываю далеко вперед, а хочется мне летом у тебя побывать на денек-другой; скажи мне, что это умный и симпатичный по мыслям Соловьев как заврался?² Опять мне испытание, я его глазил. Читаю теперь, между прочим, «Жизнь и труды» М. П. Погодина, издано Барсуковым,³ очень меня интересуют все толки о моем материнском семействе, о том Знаменском (ныне принадлежащем Каткову), в котором прошла молодость моей матери, отца, дядей и теток, все, чем мое детство питалось;⁴ когда мне говорили об умершей моей матери, которой я не знал, но эта память чтилась именно в том кругу родственном, о котором повествует Погодин; очень интересуюсь. Читал я на днях два тома записок графа de Tallons! Если есть у тебя на то время — почитай, что это за прелесть, что за человек, что за жизнь! Прочтешь такое, и гадко станет, когда вспомнишь о графе Льве Николаевиче Толстом! Говорю гадко, потому что ума и таланта ему Бог дал с избытком, но гордость человеческая все это вверх дном поставила.

Из деревни пишут, что у нас дожди даже мешали севу, авось, Бог милостив, теперь справятся. У меня в деревне все работы, постройки, ремонты, садоводство, лесоводство, коневодство, пчеловодство и все затеи, которые меня волнуют, радуют и огорчают. К слову, о коневодстве: надеюсь, что рыжие лошадки подросли, стану их ездить в нынешнем году — авось, пойдут хорошо и порадуют, а тебе я их назад не отдам; рыженькая кобылка ездится под верх здесь, но ее нельзя еще будет взять на Воин, очень хорошо пошла, хотя горяча и являет капризики, но с терпением это устранился, Бог даст.

Привет и поклон Марии Петровне, прости за глупую болтовню.

Как хорошо писано и правдиво о Болгарии Татищева в «Новом времени».⁵ Жаль, что сей умный человек как человек никуда не годится! А мнения его я разделяю обеими руками.

Преданный тебе И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь,
в сельцо Воробьевку.

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 22 апреля 1888;

2) Москва, 23 апреля 1888;

3) Коренная Пустынь, 24 апреля 1888.

¹ никогда не надо забывать, что во всяком улучшении есть опасность обновления, надо не упускать из виду эту опасность и продолжать улучшения, если это возможно (*фр.*).

¹ Имеются в виду Людовик XVIII, французский король (1815—1824), и герцог Блакас, его приближенный, французский дипломат.

² Очевидно, Новосильцов прочел 2-ю часть статьи В. С. Соловьева «Россия и Европа», опубликованную в «Вестнике Европы» (№ 4 за 1888 г.), в которой он резко восстает против русской церкви и выступает с идеей о соединении церквей, о соединении власти папы римского с властью русского царя как основе осуществления на земле Царства Божиего и т. д. Именно непримиримое расхождение по религиозно-философским вопросам привело к почти полному разрыву дружеских отношений Фета и Соловьева в 1889 г. Это нисколько не отразилось на глубоком преклонении Соловьева перед лирикой Фета: статья Соловьева «О лирической поэзии», написанная в 1890 г. (которую уже не успел прочесть больной Новосильцов), позволяла говорить о том, что для него Фет — самый талантливый поэт послепушкинской поры.

³ Первый том книги Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» вышел в свет в начале 1888 г. в Петербурге. *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — историк, литератор, журналист, профессор истории Московского университета. Содержал частный пансион, в котором готовил воспитанников для поступления в университет, — в этот пансион Фет поступил в начале февраля 1838 г. *Барсуков Николай Павлович* (1838—1906) — библиограф, публицист, издатель. С 1866 г. работал в «Вестнике Европы», «Русском архиве», «Московских ведомостях»; с 1883 г. начальник архива Министерства просвещения. Создал ряд документальных биографий деятелей науки и культуры России, опубликовал письма разных лиц (А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, П. А. Плетнева) к П. А. Вяземскому и др.

⁴ Мать Новосильцова Настасья Павловна происходила из рода Мансуровых (см. Часть I, примеч. 3 к п. 12). Ее кузина Е. А. Мансурова стала хозяйкой имения Трубецких Знаменское-Садки, выйдя замуж за И. Д. Трубецкого. Учителем их младших детей был М. П. Погодин, который вместе с ними жил в Знаменском. Подробнее см.: *Коробко М. Ю.* Усадьба Знаменское-Садки: по новым архивным материалам // *Русская усадьба*. М., 2004. Вып. 10.

⁵ Речь идет об очерке С. Татищева «Россия и Болгария. Историческая справка», опубликованшемся в «Новом времени» с февраля по апрель 1888 г. (№ 4259—4361). *Татищев Сергей Спиридонович* (1846—1906) — дипломат и историк, публицист. Служил в Министерстве иностранных дел, затем с 1881 по 1883 г. в Министерстве внутренних дел — чиновником особых поручений при министрах Н. П. Игнатьеве и Д. А. Толстом. Выйдя в отставку в 1883 г., работал в «Русском вестнике» (вел политобозрение с 1889 по 1897 г.), «Новом времени» и других русских и иностранных журналов. Автор историко-биографических книг о Николае I и Александре II, о русской дипломатии и внешней политике России.

Августа 13-е 1888.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, я к тебе давно собирался писать под впечатлением разговора, который я как-то на днях имел с твоей племянницей Галаховой, она мне сообщила, что из-за каких-то дурацких требований дурака станového ты «взял в грип» твою Воробьевку, хочешь ее бросить, продать и жить в Москве на Плющихе, а не в деревне летом! Ну что это за галиматья? Право, на тебя не похоже, охота сердиться и принимать к сердцу «жизненные пассажи», которые относить следует к какой-нибудь части менее возвышенной и которой судьба и назначение соприкасаться с веществами «последнего сорта», говорят венские жители. Ну, пожалуйся губернатору, авось, сообразит, что становой дребедень толкует, нет — вспылит и — бросать все,

продавать угол, в котором-таки жилось тебе кое-когда и приятно! Я понимаю, что Воробьевка для тебя не родное гнездо, сам купил, сам можешь и продать — да зачем, если перестанешь принимать к сердцу то, что относится к другой части твоей персоны, которую и советую тебе обратить к становому!

Вчера я был на мировом съезде, где нас собралось очень-очень мало, всего четверо, Римский-Корсаков, Сухарев, Иванов, Кислаковский — это вновь приобретший имение Александра Васильевича Шереметева, и я. Ни Лемонт-Иванов, ни другие не явились, и пришлось отдуваться до поздней поры!¹

У Галаховых гостила милая его сестра г-жа Шених, мой сожитель Шангран² без ума от нее, и я два раза с ним ездил к твоей племяннице. У нас уборка, посев, молотба и проч. Курьезно, что я нанял лично 10 человек рабочих бить камень для шоссирования дорог, все удрали, вот уже 3-я неделя, паспорта у меня! Шангран удивляется, а я нет! Широкая русская натура, а если бы мне они на глаза попались, наплевал бы им с удовольствием в их глаза — вероятно, на днях появятся! То же у меня с кирпичником, насадил «горно»,³ выпросил немного вперед денег из конторы и удрал! Власенко бесится, да и есть отчего! Шангран верить не хочет! А я верю.

Вот и другой листик прибавил к моему письму, не знаю, отчего это, но, когда к тебе пишу, у меня линейка за линейкой или строка за строкой и катится, и нашлепаю всякого вздору, но не боюсь тебе надоест, отвечая на дружеский привет моей болтовней. Итак, Шангран, волнующийся всякими Гобле и Флоке и Буланже,⁴ верить не хочет, что у нас такая широкая натура, что безобразия у нас творятся безнаказанно и что все-таки, более или менее, а обстоит все благополучно! Моя претензия в хозяйстве ли, в управлении и во всякой деятельности, где приходится иметь дело с людьми, — та же, что у Расплюева в «Свадьбе Кречинского» — ну ударь раз, ударь два, да зачем же это «до бесчувствия»?⁵ У меня в моей всегдашней деятельности и где бы то ни был, всегда <предвидится> «ударь раз, и даже два». Но до бесчувствия не дамся! Кряхчу, ежусь, да и рассержусь и припугну! А иногда пойдет все так, как и за границей не видывали, не надолго, правда, но все-таки много успеешь сделать хорошего. Не брани меня «оптимистом» — нет, я постиг свою среду и вращаюсь в ней безбоязненно; а ты принимаешь к сердцу «неаккуратности и всякую обыденную дрянь» — прими ее к тому месту, о котором в конце письма не хочу поминать. Ну вот граф Толстой? Это меня бесит. Юродству есть мера, а до бесчувствия — грех.

Поклон и привет сердечный Марии Петровне, а себе 1000 дружеских слов и мыслей.

Твой Ив. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.
Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) вырезан;
2) Коренная Пустынь, 15 августа 1888.

¹ Речь идет о помещиках Орловской губернии, мировых судьях (см. также: Часть II, п. 34).

² *Де Шангран* — зять Новосильцова (см. Часть I, п. 18, примеч. 1).

³ «Горно — род печи с широким челом (шатром) с механическим поддувалом или тягой для каменных и частью плавильных работ» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1).

⁴ *Буланже Жорж Эрнест* (1877—1891) — военный министр Франции с 1886 по 1888 г., начал нововведения и реформы армии, пользовался доверием солдат. *Флоке Шарль Томас* (1828—1896) — французский политический деятель, участник революции 1848 г. и защитник коммунаров в 1870 г. С 1885 по 1888 г. — президент палаты депутатов, затем премьер-министр. *Гобле Рене* (1828—?) — французский политический деятель, юрист; в кабинете Флоке был с апреля 1888 г. до 1889 г. министром иностранных дел.

⁵ Слова Расплюева из пьесы А. В. Сухова-Кобылина (1817—1903), действие 2, явление 2.

18 (30) августа 1888, с. Воин

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сегодня утром получил твое письмо от 16-го августа и так, без причины особенно уважительной, написав несколько деловых писем, увидел предстоящий лист бумаги и строчу тебе ответ на ответ! Ты пишешь, чтобы я взял у Галахова «Русский вестник» — да, я искони получаю это издание, а равно и «Московские ведомости», которые мне нравятся в нынешней редакции более, чем прежде! Есть статьи, писанные умно, серьезно, без той самонадеянной уверенности, которая прежде меня в *журналисте* мучила иногда, — об журналистах я отзываюсь, как отзывался Собакевич, «подумавши» о прокуроре, который был один хороший человек, да и тот — помнишь, что? Я жду вестника и твоих воспоминаний, о которых мне уже говорили, и в тех милых словах, о них сказанных, я уже нашел, что тебе сообщить не в твою пользу. Я слышал, что ты описываешь различные личности, с которыми встречался в детстве и отрочестве, и, между прочим, говоришь о Николае Никитиче Шеншине,¹ что он был брюнет вертлявый, я не хвалю таких выражений о людях, у которых дети могут это читать. Для нас это выражение ничего не значит, но, ставя себя на место сына Николая Никитича, мне было бы неприятно такое выражение о моем отце. Сын Николая Никитича, пожалуй, и не мигнет от этого, но это не закон для тебя. Помню, какое впечатление произвело на моего приятеля Сергея Васильчикова, когда вслух как-то в деревне я читал при нем рассказ Лескова «Владычный суд».² Он рассказывает о некоторых симпатических чертах покойного князя Иллариона Илларионовича Васильчикова и о менее симпатических чертах покойной княгини. Все это взорвало Сергея Васильчикова, и он нашел, что Лесков не имел права так писать.³ Я с ним вполне согласен! Мне кажется, что, когда пишешь о частных лицах, коих связи еще так живы между нами, нужно относиться к этому с крайней осторожностью, как говорят французы, *avec une discretion poussée à l'excès*.^a Вот тебе и нотация моя; зная тебя, пишу откровенно и уверен, что ты не помянешь меня за то лихом. Ожидаю с нетерпением «Русский

^a до крайнего предела скромности (*фр.*).

вестник», который, видно по прежним изданиям, продолжает быть неаккуратным. Завидовать чужому характеру и чужому носу — бессмысленно, пишешь ты, что ж, из этого много бессмысленного бывает на белом свете, и отрицать собственное бытие — явление обычное у всех малохарактерных людей — слабня, да и только! И бывает и злюка, который завидует вроде собаки, что на сене лежит, сама не ест и другим не дает.

Преданный тебе
Ив. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь, село Воробьевка,

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Почт. вагон 15, 20 августа 1888;

2) Коренная Пустынь, 20 августа 1888.

¹ См. у Фета: «Занятый устройством своих разнообразных имений, отец сам редко выезжал в гости и только охотно отпускал Надю в Волково к однофамильцам соседям за 12 верст<...> Владелец Волкова был худошавый, боявшийся чахотки, но чрезвычайно подвижной, сорокалетний брюнет» (*Фет А. А. Мои воспоминания*. М., 1890. Т. 1. С. 3). Николай Никитич был блестяще образован, любил литературу и прекрасно играл на рояле; его брат Александр Никитич был женат на сестре Фета Любови Афанасьевне.

² Упомянутый рассказ Н. С. Лескова был опубликован в 1877 г. в журнале «Странник» (т. 1, № 1 и 2).

³ Речь идет о князьях Васильчиковых — Илларионе Илларионовиче (1777—1847), генерал-адъютанте, и Сергее Илларионовиче (1849—1926), который в период 1885—1890 гг. был командиром лейб-гвардии драгунского Нижегородского полка и заслужил похвалу императора за отважный конный переход через вершины Клухорского перевала на Кавказе летом 1886 г.

75

19 сентября (1 октября) 1888

Село Воин, сентября 19-е 1888.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, взял перо так, хочу написать тебе несколько строк, не имея, собственно говоря, предмета неотложного разговора. Ожидаю сегодня к 4-м часам губернатора, который вчера так о себе возглашал: завтра, если не будет дождя, начальник губернии будет на Воине к 4-м часам на лошадях! Вот я и поджидаю, заказал обед пофрантоватее и посытнее, — на днях я провел две недели в Славянском базаре в Москве, куда отправился вместе с Шанграном на встречу сестры, приехавшей из Симбирска: ее нужно было убедить отправиться из Москвы восвояси, т. е. в Париж, а не ехать сюда дожидать дурной и холодной погоды, чтобы в позднее время совершить путешествие немаленькое! Здоровье сестры нехорошо, и то хуже всего, что вся болезнь заключается в систематическом травлении себя морфином! Но Бог милостив, авось, ей удастся бросить эту мерзость. Я не знаю, в деревне ли ты еще или уже в Москве, посылаю в Воробьевку, вероятно, в случае твоего отъезда на станции есть инструкция, куда направлять письма к тебе.

Не забыть! Я опять с просьбой о лошадях, взятая у тебя пара рыжих небольших жеребят меня начинает смущать, и ты, может быть, будешь в состоянии прийти на помощь: из двух лошадей в паре одна переросла другую, оказалась резвее. Нельзя будет у тебя опять взять какого-нибудь рыжего молодого, может быть, подойдет, тех же кровей или даже брат, если таковые есть, а я потом с тобой сосчитаюсь, т. е. заплачу, что назначишь.

У меня «мыт» замучил отвельшей.¹ Трех лишился, остальные болеют, я их лечу бодягой, привязываю овечьи шкурки под салазки, теперь лучше, но жаль смотреть — погода такая, что и без мыта жеребяткам-отвельшам трудно!

Хлеба не продавал и хочу выждать до декабря, если можно, но это трудно, и я не мог этого сделать «без займа». На хороших условиях, разумеется, и хочу попробовать, я никогда не пускался в спекуляции и благодарю Бога, что он мне дал сознание моего неведения — а то я видел многих друзей, смотришь — не более меня смыслит, а лезет в аферы! Ну и лопается, как пузырь дурацкий! Я только кряхчу, сжимаюсь и жду погоды, — бывает, что пропустишь, да что же делать, не семи я пядей во лбу, всего не рассчитаешь, по крайней мере осторожен. Напиши на Грайворонку, и если есть 3-летний рыжий, оставь его мне, может быть, из трех составлю пару. На этих днях жду сюда мою племянницу Зинаиду Николаевну Нечаеву, авось, тогда мое одиночество немного оживится, а то иногда нападает тоска. На днях в Москве я встретился с моим старым другом Georges Comte de Saint Priest,² ежедневно и целый день были вместе, он мне сказал, когда я ему говорил, что уезжаю опять в деревню, *que la compagne et la solitude en automne se n'est par un vaudeville!*³ Да, не водевиль, а скука. У меня сегодня большая неприятность: моего любимого пса беленького, которого подарила мне государыня, почти до смерти загрызла мерзкая датская собака моего управляющего, — мой песик с проеденным горлом лежит и вряд ли будет жив, — жаль, и это меня очень расстраивает; ты все-таки немного собачник и поймешь мою тоску.

На днях я прочел «Тургенев в Москве» Леонтьева,³ как мило написано, все, что Леонтьев пишет, на меня имеет какое-то чарующее действие, не знаю этого человека, но, по моему скромному разумению, в нашей литературе он отрадное и единственное исключение. Должно быть, «чистая душа», судя по его сочинениям. Очень бы рад был когда-нибудь встретиться с ним, — впрочем, иногда лучше не видеть художника, а довольствоваться его творениями. Есть милые исключения! Лирический поэт наш. Единственный. На днях прочел я в «Русском вестнике» стихи Майкова, «Гроза» и какому-то Л..у, чушь! Как не стыдно такие глупости писать в стихах, набор слов и больше ничего: третья строфа, например: «встают с серебряным карнизом чрез все полнеба ворота», в 4-й строфе: «и тьма за ней в погоню злую, и все свирепей и быстрей». Прочти, пожалуйста, это в февральской книге, — расплзаются колонны, просто стыдно читать.⁴

¹ потому что деревня и одиночество осенью — это не водевиль (фр.).

Жму тебе руку, здоровье мое так себе, хотелось бы куда-нибудь потеплее, да не знаю, как и что, буду действовать «по средствам».

Поклон и почтение Марии Петровне, а меня прости за глупое письмо.

Преданный тебе искренно
Ив. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь, в село Воробьевку.
Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон 15, 22 сентября 1888;
2) Коренная Пустынь, 22 сентября 1888.

¹ *Мыт* — острая инфекционная болезнь молодых лошадей и жеребят, проявляющаяся воспалением слизистой оболочки носоглотки и подчелюстных лимфатических узлов; *отвелиши* — новорожденные жеребята, которых уже «отвели» от матери в отдельное стойло.

² *Граф Сен-При Жорж* — помещик Нижегородской губернии; был хорошо известен в придворных кругах, дружил с великими князьями, особенно с Владимиром Александровичем, которого часто сопровождал на охоте (упоминается в воспоминаниях А. А. Половцова).

³ Воспоминания К. Н. Леонтьева «Тургенев в Москве» (1851—1861 гг.) печатались в «Русском вестнике» в феврале и марте 1888 г.

⁴ Стихотворения А. Н. Майкова «Гроза» («Кругом царила жизнь и радость...») и «Л-у» («Нет, то не Муза, дщерь небес...») 1887 г. были опубликованы в февральском номере «Русского вестника» за 1888 г.

76

8 (20) ноября 1888

Ялта, ноября 8-е 1888.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сегодня получил твое милое письмо от 1 ноября, оно, прежде чем до меня сюда добраться, вероятно, денек, а пожалуй, и другой просидело на Отраде. Я сюда забрался с начала или середины октября, т. е. 16-го, в самый день приезда государя с Кавказа в Севастополь, и я туда добрался с Воина. Зина Нечаева меня подбила сюда съездить погреться до зимы, вот я и сижу у моря, поджидая погодки — о которой, впрочем, не могу говорить — из страха или накликать дурное, или сглазить хорошее. Ты напрасно полагаешь, что столовый вагон государя куплен после императрицы Евгении, французский поезд (для европейских колея рельсов, а не был русским, которые шире) всегда остается на границе в Вержболове.¹ Пенять можем только на себя и на ту ответственность, которая, по нашим порядкам, расплзается на кучу личностей, которые, так сказать, друг друга пополняют, т. е. не имеют определенной власти, отсюда прямо следует, что не имеют определенной ответственности. Бог даст, следствие кое-что раскроет, но во всяком случае поможет понять, что «так оно остаться или оставаться не может и не должно». Погляди кругом — везде то же, кого ни спроси из «начальства» уездного или губернского, или столичного, —

всякий только и знает, что с себя спихивает «полную» ответственность и только решается брать частичку, все эти частички и расплываются в каком-то облаке, а подумаешь, отчего бы это? Мне кажется, что начало или корень этого зла в либеральной заботливости «положить конец à l'arbitraire du pouvoir»,^a не знаю, как выразить слово arbitraire, и в этой заботливости подорвали самую власть, а следовательно, и самую ответственность. Напрасно ты полагаешь, что мы, русские, не можем делать ничего путного, аккуратного, стоит только указать, что делать, и потом смотреть и требовать, чтобы делали — а то у нас укажут или прикажут — а потом и не заглянут, делается ли вещь и исполняется ли то, что приказано или указано. Много в этом правды. Кажется мне, у нас вырабатывается «приказание», а на исполнение его не обращают внимание!

Довольно тебе моей болтовни, с Божией помощью во второй половине ноября надеюсь назад на зимние квартиры, проездом в Москве забегу к тебе. Желаю тебе и Марии Петровне всяких благ, прошу не поминать лихом тебе преданного старого друга Ив. Новосильцова.

А как заврался Соловьев! А ведь несомненно умный человек, и выходит, как часто видишь на белом свете ум за разум! и выходит пошло и гадко. Знай меру! — люблю поговорку русскую «ври, да не завирайся!»

На конверте: в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Ялта, Таврич. г., 10 ноября 1888;

2) Москва, 13 ноября 1888.

¹ Речь идет о крушении царского поезда в Борках, которое произошло в октябре 1888 г. при возвращении императора из Ялты в Москву.

77

14 (26) ноября 1888

Ялта, ноября 14-е 1888.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, вчера получил твое второе письмо, написанное после того, что Галахов тебе сообщил о моем отъезде в Крым. И на первое отвечал, и на второе спешу выразить тебе благодарность за добрую память. Да, хлеб не подымается в цене — вот пока около чего вернется моя мысль; но опять пока Бог милостив, ведь не век же так будет, а по рассказам старожилов и в старину так бывало, — правда, тогда при крепостном праве не прибавилось затрат вперед на чистые деньги! Условия не те, но я уверен все-таки, что и прежде, как и теперь, и везде так, что не может же идти хозяйство как по маслу — затруднения, охания всегда были и, вероятно, будут. Читая эти строки, ты подумаешь с усмешкой, что я вроде городничего, которого никакой мерзостью нельзя было удивить и который всегда приговаривал «да, плохо — гадко, но могло бы хуже быть!».

^a деспотическим мерам (*фр.*).

Племянница моя не хотела выждать или переждать и укатила в дурную погоду в Москву и в Подмосковную к своим родственникам, т. е. двоюродной сестре Голицыной. Я здесь пока сижу у моря и не жалуясь, но скоро нужно будет помышлять о возвращении. В Москве не полагаю пробыть долго, там у меня главной притягательной силой Лазарево кладбище, где покоятся мои родные!¹ Потом одна старушка, жившая у Фелькеля, которую он звал Tante Caroline!^a Побываю в этих местах и развлекусь у тебя.

Поклон Марии Петровне, не помни лихом сердечно преданного тебе

Ив. Новосильцова.

Нового министра путей сообщения я знаю давно и имел с ним дело, когда управлял Конюшенным ведомством. Может быть, про него нельзя будет сказать «*tel brille au second rang qui s'éclipse au premier*»,^b он будет блеснуть на первом месте, так как не пришлось блеснуть на втором!²

Преданный тебе

Ив. Новосильцов.

На днях я писал императрице и, перечитывая мое письмо, сам прослезился!

На конверте: в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Ялта, Таврич. г., 16 ноября 1888;

2) вырезан.

¹ На Лазаревском кладбище в Москве похоронены родители Новосильцова, Петр Петрович и Настасья Павловна (урожд. Мансурова), а также старшая сестра Екатерина Петровна Вяземская.

² Имеется в виду *Витте Сергей Юльевич* (1848—1915), граф — директор Департамента железнодорожных дел с 1889 по 1892 г.

78

8 (20) декабря 1888

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.

Декабря 8-е 1888.

Милый друг, ты сам не заботишься о себе, основательно рассчитывая или полагаясь на дружеские заботы о тебе: но помни пословицу «на Бога надейся, а сам не плошай», а друзья это именно утешение Божеское!

По приезде моем я переговорил с графом Воронцовым и подготовил почву, Победоносцев тоже уже со мной виделся, и мы будем стараться — но я Воронцову сообщил, что доставлю ему нечто вроде *curriculum vitae*^a твой, который ты обещал мне прислать. У Делянова

^a тетушка Каролина (фр.).

^b «Во втором ряду блещет тот, кто незаметен в первом» (фр.).

^a жизнеописание (лат.).

я еще не успел побывать, но постараюсь его видеть и устроиться с ним, как нам купно действовать.¹

Брось мысль просить или толковать с женой Еммануила Дмитриевича Нарышкина, это пустое, и она — будь это сказано по секрету, шлюха, или, как Гоголь вложил в уста одного из своих героев, мове тон!²

Поклон и сердечный привет Марии Петровне и прошу тебя не помянуть лихом тебе преданного

Ив. Новосильцова.

На конверте: в Москву, Плющиха, в собственном доме.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 8 декабря 1888;
2) Москва, 9 декабря 1888.

¹ Речь идет о хлопотах по поводу присвоения Фету камергерского звания, приуроченного к его юбилею — 50-летию творческой деятельности. *Воронцов-Дашков Илларион Иванович* — см. Часть II, п. 54, примеч. 2.

² Очевидно, имеется в виду Нарышкина Елизавета Алексеевна (1840—?, уржд. кн. Куракина) — гофмейстерина вел. княгини Ольги Федоровны, жена обер-гофмаршала Е. Д. Нарышкина.

79

12 (24) декабря 1888

С. Петербург,
Дворцовая набережная, 26. Декабря 12-е 1888.

Любезный друг, получил твою цидулу с кратким *curriculum vitae* — очень скромно! и мало о твоих лирических творениях распространяешься — но пусть так. Вот что я сделал: переписал красивым почерком два экземпляра твоей записки, одну при длинном письме послал графу Делянову, 2) одну при письме послал Победоносцеву и 3) то же при письме с упоминанием о том, что послал к Делянову, и о том, что мне Воронцов сам говорил, — Воронцову; всю эту работу я исполнил вчера вечером, так как я простудился, кашляю и чихаю и сижу дома. Теперь «будем подождать», как выражаются здешние немцы. Что будет, то будет, и Бог даст, недаром мы потрудились. Я изменил в одной записке следующее: «воспринял фамилию своего отца», я в одной из записок не выдержал и написал «воспринял фамилию своих родителей!» — и полагаю, что поступил правильно. Теперь будь здоров, презентуй мой поклон Марии Петровне и не поминай лихом сердечно преданного тебе

Ив. Новосильцова.

На конверте: в Москву, Плющиха, собственный дом.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 13 декабря 1888;
2) Москва, 14 декабря 1888.

12 (24) декабря 1888, Петербург

Декабря 12-е 1888.

Дворцовая набережная, № 26.

Милый друг, знаешь ты выражение Расплюева в «Свадьбе Кречинского»? Ну ударь раз, ударь два, да зачем же до бесчувствия? А я так-таки и хлопаю тебя по два раза в день: получил прилагаемый ответ от Делянова, прочти и дай мне то сведение, которое желает получить Делянов и которое нужно будет Воронцову, т. е. отвечай мне на письмо Делянова, которое ты мне возврати, потому что оно мне нужно будет для подпихивания Воронцова и проч., и проч. Уведомь о дне юбилея, если таковой еще не назначен, то назначь и сообщи.¹

Будь здоров и не поминай лихом преданного тебе

Ив. Новосильцова.

Как тебе нравится следующее четверостишие:

Aimer est ma coutume, séduire est la vôtre
J'ai toujours de ces deux préféré le premier;
Mais en vous connaissant je voudrais essayer
Ou de vous prêter l'un ou de vous ravir l'autre.*

Признайся, что мило. Как хотелось бы уметь так изворачиваться ловко!
А я все чихаю и кашляю.

Копия, если чего не прочтешь:

12 декабря.

С большим удовольствием, многоуважаемый Иван Петрович, берусь похлопотать о А. А. Шеншине.

Не можете ли мне сказать, когда приблизительно будут праздновать его юбилей: хорошо было знать самый день. Об этом надобно сообщить графу Воронцову-Дашкову, дабы сообразно с этим он мог в свое время пометить указ. Я тоже страдаю горлом, а потому и не могу теперь посетить Вас и лично поблагодарить за поздравление и добрые пожелания. Преданнейший слуга И. Делянов.

Конверт отсутствует.

¹ Юбилей А. А. Фета по поводу 50-летия его литературной деятельности праздновался 26—29 янв. 1889 г. в Москве.

6 (18) января 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, № 26.

Января 6-е 1889.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сам удивляюсь, как это я так оплошал, что приходится мне отвечать на твои два письма, — это

* Любить — мой обычай, соблазнять — ваш. Из этих двух я всегда предпочитал первое; Но, зная вас, я хотел бы попытаться дать первое вам (*фр.*).

на меня не похоже, восклицаю я в оправдание, скажу une fois n'est pas coutume.^a Провинился и прошу прощения; одновременно с твоим сегодняшним письмом получил письмо Олсуфьева,¹ которому тотчас подробно отвечал, доставить же письмо поручаю тебе, так как он своего адреса не сообщил. Первое твое письмо с грустным напевом, напоминающим «со святыми упокой», я получил и о нем помышлял, когда ко мне прибыл вел. князь Константин Константинович. Я позволил себе нескромность и дал ему прочесть твои стихи, разумеется, он похвалил, но со мной согласился, что грустноваты, а ведь юбилей — все-таки праздник!²

Как мучительна, должно быть, была Марии Петровне вся эта передряга с рукой! И какой это доктор тянул ей руку, когда кость сломана!³ Ах, уж эти доктора нового фасона, пороть бы их, а большее пороть тех, которые недоучек выпускают и проповедуют обрусение науки, у дерптских студентов это не так! Учатся и выходят люди, а не наши Базаровы, Баталины, Иерусалимские и tutti quanti,⁶ которых выводит в люди Сергей Петрович Боткин! Ну что сказать тебе отсюда? Ничего нового, уверен лишь в участии, которое принимает горячо в твоём деле великий князь Константин Константинович. Сегодня, 7 числа, я был приглашен на генеральную репетицию оперы Рубинштейна «Купец Калашников»,⁴ государь сидел в креслах, императрица тоже — несмотря на появление царя Иоанна IV Грозного на сцене, государь дозволил представление. Я нахожу музыку скучнейшей, но теперь мода на такую музыку, от которой заснул бы, не будь такого шума в оркестре.

Вчера я обедал у Еммануила Нарышкина, где познакомился с Сергеем Сергеевичем Боткиным, которому сообщил невеселую весть о случившейся беде с рукою Марьи Петровны. Что сказать тебе нового о «нашем» деле,⁵ что Делянов обратился письменно к графу Воронцову, Воронцова я спрашивал — он еще не получал, авось, с Божией помощью, раздобудет. Я получаю «Ниву», но не нашел еще твоего рассказа, который, разумеется, поспешу прочесть, меня очень интересуют твои воспоминания, писано легко, мило и, к сожалению, приходишь к концу второй части, — буду ждать продолжения с нетерпением. Как тебе нравится статья некоего Яроша (не знаю, псевдоним ли или подлинное имя) «Иностранцы и русские критики о России»,⁶ я нахожу статью дельной, и очень умной, и хорошо прочувствованной, и хорошо написанной. А как твой приятель Соловьев зарпортовался, — что он с пафосом пишет — не только глупо, но гадко и омерзительно.

Можно то же думать — но у него ум за разум и пошлости как-то витиевато, тускло выходят; вот тебе и философ, а ведь сам он думает о себе весьма много, и жалко и гадко, как посмотришь на наших талантливых людей.

Жму руку и с сердечным пожеланием Марии Петровне оправиться скорее, прошу тебя не поминать меня лихом.

Ив. Новосильцов.

^a один раз — это еще не привычка (*фр.*).

⁶ все остальные (*итал.*).

На конверте: в Москву, Плющиха, в собственном доме.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 8 января 1889;
2) Москва, <нрзб.>.

¹ *Олсуфьев Алексей Васильевич* (1831—1915), граф — генерал кавалерии, знаток античной литературы, был близок к придворным кругам и тоже переписывался с Фетом. Дружеские отношения с ним установились у Олсуфьева в связи с его помощью поэту при переводе римских классиков.

² Дело в том, что Фет сдержанно относился к празднованию своего юбилея: для него юбилей был не более чем официальное признание его литературных заслуг — эта позиция была высказана им еще в стихотворении «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 г.». В юбилеях поэт видит их условность, бесполезность их для самой поэзии. Известно, что Фет написал к юбилею два стихотворения, которые назывались «На пятидесятилетие музы». Первое (от 20 дек. 1888 г.), которое упоминает Новосильцов, начиналось словами: «Нас отпевают. В этот день никто не подойдет с хулою...» и заканчивалось так:

Живым карать и награждать,
А нам у гробового входа,
О муза, — нам велит природа,
Навек смиряясь, молчать.

(Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1912. Т. 1. С. 106).

Это стихотворение вызвало недовольство Н. Н. Страхова, который написал Фету, что оно слишком мрачно и для юбилея не годится, но понравилось Льву Толстому. Однако Фет все-таки написал другое стихотворение — «приветствие» («На утре дней все ярче и чудесней...», 14 янв. 1889 г.), которое и раздавалось участникам торжества (см. статью: *Скрипкин А. О. К. Леонтьев о литературном юбилее Фета // А. А. Фет и русская литература. XVII Фетовские чтения. Курск, 2003. С. 256—261*).

³ Речь идет о несчастном случае в начале января 1889 г., в результате которого у Марьи Петровны была сломана левая рука. Об этом есть упоминание в письме К. Р. к А. А. Фету 28 янв. 1889 г.: «Мне говорили, что ваша супруга сломала себе руку, одну из тех, которые так искусно готовят неподражаемую пастилу. Как это прискорбно!» (*К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 309*).

⁴ *Рубинштейн Антон Григорьевич* (1829—1894) — пианист, композитор, дирижер, основатель Петербургской консерватории. Премьера его новой оперы «Купец Калашников» состоялась в январе 1889 г. в Петербурге.

⁵ См. п. 70, примеч. 1.

⁶ Статья К. Н. Яроша «Иностранные и русские критики России» была опубликована в январском номере «Русского вестника». В ней дается анализ публицистических работ о России иностранных и русских авторов, в частности француза Леруа-Болье и Вл. Соловьева, который «презирает все специфически русское».

82

30 января (11 февраля) 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Января 30-е 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, не хотел я обратиться к тебе телеграммой в такой день, когда все обратились к тебе с приветом телеграфильским, — мне хотелось как-то отдельно от других тебя и приветствовать сердечно, но и так устроиться, чтобы не надоедать тебе явным ожиданием ответной депеши! Для меня твой юбилей только отдельно взятое число, а я тебя приветствую всегда одинаково, и вчера,

и сегодня, и завтра, и, Бог даст, на много лет еще. Странное чувство руководило желающих и желающих тебя почтить царской милостью — чтобы вышло это не к юбилею, а просто «*Qua sponte*»,^a желаю, мол, тебя почтить и дать тебе ключ, т. е. официально признанный доступ ко мне — не в день юбилея, а так потому, что так хочу. А меня это тревожило, бесило, беспокоило — это говорю я в прошедшем — не так это меня и тревожит и бесит и волнует теперь — так тут много глупости. А какое милое письмо ты мне написал, и с каким удовольствием я читал о бесстрашном молодце, с одним веслом в руке скачущем с льдины на льдину. Я тебе сердечно благодарен за то, что ты сердечно оцениваешь мое желание быть тебе приятным и полезным — вспоминаю мои горячие (хотя и неустойчивые) хлопоты во время оно, в Комиссии прошений на высочайшее имя, и как благодатно тебе Бог благословил наше предприятие! Великий князь Константин Константинович о тебе толкует с таким искренним теплым сочувствием, что приятно слушать, ему хочется, чтобы ты сюда собрался и чтобы тебя отпраздновать здесь, как бы я был рад тебя здесь повидать, а я уверен, что тебе было бы здесь и тепло и отрадно — а то в Москве как-то далеко и приходится довольствоваться описаниями в газетах. Во всех приветствиях и речах к тебе за обедом — мне несимпатично было упоминание о Шопенгауэре: я всей душой и всем помышлением отвращаюсь, если так можно выразиться, от умствований шопенгауэровских, и мне, как наяву, видна их глубокая несостоятельность и непривлекательный оборот мыслей неверующего¹ — напоминает мне басню Хемницера «*Метафизик*».² Прости и не гневись, и не осуждай профана, это у меня сорвалось с пера.

Каково здоровье Марии Петровны, посоветуй ей массаж для руки, а то пролежат ее наши передовые врачи-метафизики, а штука кажется простая. Жду с нетерпением твоих воспоминаний в «Русском вестнике», чрезвычайно мило. Желаю тебе всяких благ и здоровья паче всего. Не забывай сердечно преданного тебе

Ив. Новосильцова.

Сегодня отправляюсь завтракать к царю. Что-то я должен там сказать? Не весть еще.

На конверте: в Москве, Плющиха, в собственном доме.

Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 31 января 1889;

2) Москва, <1 февраля 1889>.

¹ Новосильцов как истинно верующий русский человек холодно относился к увлечению Фета философией Шопенгауэра и эстетическими воззрениями последнего: см. Часть II, п. 34, 44.

² Имеется в виду герой басни И. И. Хемницера «*Метафизик*», который свалился в яму и не хватается за спущенную ему веревку, пока не получит ответы на «метафизические» вопросы («*Веревка вещь какая?*», «*А время что?*» и т. д.), — обозначение поверхностного мыслителя, отрешенного от жизни.

^a по собственному желанию (*лат.*).

26 февраля (10 марта) 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Февраля 26-е 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, сейчас только возвратился от обедни из Аничковского дворца, написал и послал телеграмму с доброй вестью графу Олсуфьеву, который тебе может отныне поднести стихи латынские о ключе.¹ Скажу тебе одно: я рад за тебя, что государь так сказать не хотел, чтобы пожалованье в придворное звание было «наградой», просто в день своего рождения почтил своим выбором русского помещика, о котором много слышал и которого почитает как поэта и как «деревенского жителя», который дворянин русский в «Корнях». *Se qui a été remis ne se trouve pas, de cette façon perdu, au contraire.*² Но должен тебе сказать, что, когда мне пришлось хлопотать и сталкиваться с некоторыми людьми, я более прежнего познал, что есть между высоко стоящими людьми (например, Делянов), которых можно из доброжелательства сравнить с некоторой частью человеческого тела, на которую опереться нельзя, а садиться можно! *Intelligente ne, amico!*³ Как-то мне сказывали, что кто-то в Риме ходатайствовал за кого-то у высокопоставленного кардинала, дело тянулось долго, наконец как-то проситель встречает кардинала, а тот его успокаивает выражением «*l'ò già in pesso!*», т. е. я вашего клеветы имею в груди или в сердце. Тут не на шутку рассердился проситель и бухнул кардиналу в ответ: *io vorrei che l'avete non in pesso ma in culo, allora spero, che sortirà più presto!*⁴ Вот тебе итальянский анекдот, который вспоминается мне, когда перебираю в памяти все заверения, мной слышанные все это последнее время.

На этой неделе я говел и удостоился вчера причаститься, стало на сердце и душе легче! Я тебе из дворца тотчас пустил телеграмму. С каким отрадным чувством вспоминаю, как давно уже я тебе перед Пасхой послал указ покойного государя! Будь уверен, что мне приятней и веселей тебе служить, чем полезней тебе моя служба; я даже полагаю, что и тебе бывает отратно сердцем вспоминать тебе преданного

И. Новосильцова.

Хотел было сошкольничать и написать письмо графу Делянову, чтобы его «уведомить». Но воздержался после говения. Мой поклон Марии Петровне.

На конверте: Москва, Плющиха, собственный дом.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 26 февраля 1889;
2) Москва, 27 февраля 1889.

¹ Имеется в виду золотой ключ — особый знак звания камергера, который символизировал близость к императорскому двору.

² То, что было отдано, не возвращается, а то, что потеряно, вернется (фр.).

³ И умен же, приятель! (*разг. итал.*)

⁴ Я хотел бы не в груди, а в заднице, тогда, надеюсь, дело пойдет быстрее! (*итал.*)

1 (13) марта 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Марта 1-е 1889.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, твое письмо в ответ на мою телеграмму я получил сегодня и по просьбе твоей спешу тебе ответить: приезжай, когда хочешь, и, полагаю, что можно будет тебе устроиться так, чтобы явиться к государю вскоре по приезде, их величества должны были переехать в Гатчино сегодня, но отложили отъезд на неделю. Представление государю каждую неделю по средам и пятницам — на этот счет я, разумеется, дам тебе все нужные сведения. Даже по переезде в Гатчино представления там по тем же дням, но это, может быть, для тебя утомительнее будет, чем в городе. Полагаю, что тебе нужно будет заказать пока один галунный мундир и белые панталоны с галунном, шляпу камергерскую, полагаю, можно купить. Спешу, потому что меня рядом теребят и мешают писать.

Преданный тебе Ив. Новосильцов.

На конверте: в Москве, Плющиха, в собственном доме.

Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 2 марта 1889;

2) Москва, 3 марта 1889.

5 (17) апреля 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Апреля 5-е 1899.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сегодня вышлетя к тебе вновь вышедшая в Париже книга, которую я выписал и с восторгом прочел: такого рода воззрения слишком часто между нами были предметом разговоров и обмена мыслей, и мне хотелось с тобой поделиться впечатлениями, я книгу купил из числа выписанных мной экземпляров и посылаю ее тебе в дар к Пасхе: «Principes de politique»^a сочинение Bergeres.¹ Прочти, полюбуйся простотой изложения ясных мыслей и напиши мне твое мнение. Ныне пишу эти строки, чтобы ты понял, откуда тебе будет доставлена книга и что это означает.

Погода здесь мерзейшая. Я говел на первой неделе. Мой сердечный привет Марии Петровне.

Преданный тебе Ив. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.

Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

^a «Политические принципы» (фр.).

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 6 апреля 1889;
2) Москва, <нрзб.> апреля 1889.

¹ *Бержере Жан Адриен Гастон* (1840—<1894>) — французский писатель, член палаты депутатов; написал несколько финансовых трактатов, а также романы и комедии. Трактат «Политические принципы» был издан в 1888 г. в Париже.

86

8 (20) мая 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Мая 8-е 1889.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, надеюсь, что успею откликнуться письмом по сообщаемому тобой адресу в «Тихий хутор», где ты ныне гостишь у родственников Марии Петровны. Пишу тебе отсюда и надеюсь согреться твоим теплом, здесь гадко, холодно так, что я вчера разгуливал с меховым воротником. Нева постоянно покрыта льдинами из Ладожского озера, но красива, солнце яркое, но, как говорится, светит и не греет. 3-го было 3 градуса, вчера 6, сегодня 5 — твое письмо от 3-го мая, и у вас там тепло и приятно.

6-го числа я возвращался из Гатчины в вагоне с Сергеем Петровичем Боткиным: он от тебя не имеет вестей, а я ему о тебе и о Марии Петровне сообщал известия, Сергей Петрович, прихотывая, спрашивал меня, что это ты за огромные цены платишь за свою обмундировку: будто 300 рублей за одну шляпу, полторы тысячи за один мундир! Я его успокоил, сообщив, что, вероятно, вся форма стоила эту цену и что понятно, что придворный мундир стоит дороже докторского, за который бы приходилось платить больным! У Боткина было пальто «генеральское» с красной подкладкой! Довольно типичное обмундирование! *Soit dit un salembourg!*¹ Не в бровь, а в глаз! Страшное обстоятельство! Между людьми, которые добрались до известного положения — трудом, счастьем, так называемой «наукой», — как часто встречаешь «отсутствие почтения» к авторитету, нечто протестующее против того, что всякий, не меняющий своей среды, привык с детства чтить, как святыню, не подлежащую осмеянию в случае слабости и поругания в случае силы. Бержере! Бержере! Право, хорошая книга, и я радуюсь, что тебе доставил удовольствие. Книгопродавец Вольф мне сообщил, что с моей легкой руки он не наготовится этой книги, все будут выписывать нарасхват. А это признак хороший. Ее бы, эту книгу, <заплели> лет 15 назад! Читал ли ты переписку Маркевича с Толстым, покойным графом Алексеем Константиновичем, с Щербальским и проч.¹ Прошу себе выписать эту книгу, а то пришло. Прелесть, но подумаешь, свежо предание, а верится с трудом. Назначение Дурново министром внутренних дел — по-моему, слишком хороший,² — не знаю, как ему удастся проводить мысли государя в действительность, трудная задача, а много гадостей нужно будет ему побороть, а подыскать убежденных сотрудников! А где их набрать?

¹ вот получился каламбур (фр.).

После столь долголетнего буйства мысли в воспитании целого поколения? Но Бог не без милости, авось, люди найдутся! Что они есть — в этом сомнений не должно быть, но тут-то и виден человек, знающий себе подбирать людей! Один ничего не поделаешь, поглядите, какой был подбор у всяких милютинных и проч., стоило только поддакивать этим господам, чтобы быть уверенному, что в материальном отношении судьба их и карьера были обеспечены! И вот из числа этих обеспеченных государь и не может брать себе исполнителей! Например, это одно мешает Анненкову быть министром путей сообщения!³ И я этому сочувствую — знайте, мол, что теперь не Ваше время — и что нужны люди не ахти каких способностей — но «верные», стать и твердо дать камертон, — сперва не пойдет стройно, выдержи камертон, и сыграешься! А Дурново — хороший человек, неглупый, но порядочный! И то хлеб, как говорится. Как только начинаю к тебе писать — незаметно забалтываюсь и прошу прощения. О надеждах на лето, скажу пока, что меня до свадьбы великого князя Павла Александровича не пускают в веси!⁴ Надеюсь попасть на Воин в первых числах июня, у меня там красят дом и прибирают сад и всякую штуку, собираюсь строить амбар новый в Богородицком, это в 5 верстах от Воина. Тяжело, да делать нечего.

Привет сердечный Марии Петровне, будь здоров и не поминай лихом преданного тебе

Ив. Новосильцова.

Прочти в «Новом времени» от 6-го мая статью о Bergeres «Авторитет и свобода» — хорошо.⁵

На конверте: Харьковской губернии гор. Волчанск, село Тихий хутор.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 9 мая 1889;
2) Москва, 10 мая 1889;
3) Волчанск, <нрзб.> мая 1889.

¹ Книга «Б. М. Маркевич. Письма к графу А. К. Толстому, к П. К. Щербальскому и другим» вышла в 1888 г. в Петербурге. *Маркевич Болеслав Михайлович* (1822—1884) — прозаик, публицист, критик, поддерживал русификаторскую политику М. Н. Каткова.

² *Дурново Иван Николаевич* (1830—1903) — статс-секретарь, товарищ министра с 1882 по 1885 г., был назначен министром внутренних дел после кончины предыдущего министра, графа Толстого Дмитрия Андреевича (1823—1889).

³ *Анненков Михаил Николаевич* (1835—1899) — генерал от инфантерии, член Военного совета, руководитель строительства Полесских и Закаспийской железных дорог.

⁴ Свадьба великого князя Павла Александровича и дочери греческого короля Георга Александры состоялась 4 июня 1889 г. У Фета есть стихотворение по этому поводу, написанное как раз 9 мая, — «Не воспевай, не славословь...». В нем есть такие строки:

...Кто сердце девы молодой
Впервые трепетать заставил:
Не ты ли, витязь удалой,
Красавец, царский конник, Павел? <...>

(см.: *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1912. Т. 1. С. 403).

⁵ Имеется в виду редакционная статья А. С. Суворина «Авторитет и свобода» (Новое время. 1889. 6 мая. № 4735. С. 1) с подробным разбором работы Гастона Бержера «Политические принципы», в которой красной нитью проходит близкая

редактору мысль: «Достается <...> и тем, кто любит авторитет, и тем, кто увлекается свободой. Разница только в том, что власть действительно существует в природе, как сила, сокрушающая, по праву силы, все находящееся на ее пути, <...> а свобода — мечта, игрушка, форма без реального содержания, которою люди тешатся и других утешают».

87

23 мая (5 июня) 1889

С. Петербург. 23 мая 1889.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, решительно только минутка свободная, кругом укладывают сейчас вещи, отправляют на железную дорогу. Отъезжаю в Варшаву, куда посылают меня встретить и привезти сюда королевскую греческую семью,¹ великий князь Павел Александрович едет одновременно — вероятно, проедем до австрийской границы. Дай Бог мне здоровья, чтобы выдержать эти суеты и треволения, вот уж не ожидал и, как гр. Соллогуб, должен прибавить «благодарю».²

Настоящие строки пишу тебе в ответ на твое письмо от 15-го, полученное 3-го дня, за которое благодарю. Вчера не успел, а сегодня решительно подвиг ловкости успеть начертать письмо, когда кругом просители, посетители и нужно ехать, позавтракать, отправить человека с вещами на поезд: сижу с пером в руках и в дорожной форме. Не знаю, когда удастся мне попасть на Воин, с первого июля у меня там должно быть все в порядке, повар, прачки и все и вся. Когда попаду? Бог милостив, попаду когда-нибудь с желанием отдохнуть.

Напишу тебе письмо потолковее. Шангран тоже у меня и сегодня собирается ехать в Москву и Симбирск, право, нужно волевое устройство, чтобы оставаться спокойным при таких стечениях и не побросать все и вся с досады. Тут-то и виден характер и выдержка, а то я знал людей, толкующих про вежливость, спокойствие, и, когда оказывается кругом их суета и волнение, теряют голову и на встречного и поперечного бросаются, как бешеные собаки; я таких видел. Привет сердечный Марии Петровне и доброй памяти мне, твоему преданному

Ив. Новосильцову.

На конверте: По Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь, сельцо Воробьевка.

Его Высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 24 мая 1889;

2) 25 мая, <нрзб.>;

3) 27 мая, <нрзб.>;

4) Волчанск, 29 мая 1889;

5) Коренная Пустынь, 7 июня.

¹ Речь идет о семье греческого короля Георга I и его жены Ольги Константиновны (сестры К. Р.) — королевы греческой.

² *Соллогуб Владимир Александрович* (1813—1882), граф — писатель, автор светских повестей, водевилей, рассказов из театрального и чиновничьего быта, «обличительных» комедий. Его остроты были ценны московским обществом, например, ставшее

классическим в 1860-е гг. выражение «благодарю, не ожидал» (в значении «не ожидал ничего подобного»). Этими словами кончалась каждая строфа длинного стихотворения, которое автор читал экспромтом.

88

29 мая (10 июня) 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Мая 29—31 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, только что вернулся с австрийской границы, куда ездил встретить и привезти сюда королевскую семью греческую и невесту великого князя Павла Александровича, православную «королеву» Александру. А ведь удачно заменили титул принцессы русским выражением королевы! На два дня отпросился отдохнуть в городе, т. е. появиться у себя дома и поспать в своей кровати; завтра отправляюсь в Петергоф и полагаю там остаться до торжественного выезда с невестой сюда. Буду, с Божией помощью, верхом во всем блеске! В вчерашней газете я прочел объявление о внезапной смерти, как я полагаю, твоего шурина именно на Тихом хуторе!¹ Горе, и жаль мне, что таким горестным происшествием омрачилось твое пребывание на Тихом хуторе. Великий князь Константин Константинович, с которым я виделся вчера, со мной об этом толковал, находясь, как и я, в неведении о подробностях горестного случая. Королеве я о тебе говорил, она с благодарностию вспоминает о тебе и о твоих стихах, из которых много знает наизусть. Дорогой была страшная жара, но, по приезде сюда, опять понесло 12, 14 градусами, и я немного начал кашлять, стараюсь беречься, памятуя, что береженого Бог бережет.

Хотелось бы мне еще болтать с тобой, но приходится отложить — мне мешают писать, до вечера.

31 мая, антракт на целых два дня, прошу прощения за то, что пишу тебе письмо глупое и беспрестанно прерываемое. Когда попаду я на Воин, теперь все это зависит от отъезда королевы, а когда она уедет? Не знаю и, признаюсь, это меня мучит — на Воине сделаны некоторые поправки покраски и проч., цветы, розаны, лошадки новые, старые, молодые — все это заглазно меня интересует, вот уж нельзя сказать «видит око, да зуб неймет». В том-то и дело, что не дают оку видеть. Сегодня перебираюсь на малое время в Петергоф. Читал ли ты «Современная Россия»? Прочти или пробеги — это не Бержере, а хорошо, особенно та часть, что вроде предисловия, обеими руками подписал бы! — а писавший некто Скальковский все-таки хлыщ.²

Напишу тебе несколько строк посвязнее, когда будет время поспокойнее делом заняться. Передай Марии Петровне мой самый сочувственный привет, она в горе, мне было бы обидно подумать, что я в поразившем ее горе не мог ей откликнуться с участием. Будь здоров и не забывай преданного тебе

Ив. Новосильцова.

Пошлю в Волчанск, но не знаю, застану ли тебя там.

На конверте: Волчанск Харьковской губернии, Тихий хутор [зачеркнуто, внизу дописано неизвестным лицом]: Ст. Коренная Пустынь Моск.-Курск. ж. д., в имение Воробьевку.

Почтовые штампы: 1) С. Петербург, 1 июня 1889;
2) Москва, 2 июня 1889;
3) Харьков, 4 июня 1889;
4) Волчанск, 8 июня;
5) Коренная Пустынь, 11 июня.

¹ Брат Марии Петровны Шеншиной, Дмитрий Петрович Боткин, известный коллекционер, председатель Московского общества любителей художеств, умер в своем имении Тихий хутор Харьковской губернии 26 мая 1889 г. В № 151 «Московских ведомостей» от 3 июня 1889 г. был помещен некролог, написанный А. А. Фетом.

² *Скальковский Константин Аполлонович* (1843—1906) — журналист, публицист, автор путевых заметок и воспоминаний. Его книга «Современная Россия» в двух томах вышла в свет в 1889 г. в Петербурге. «Хлыщом» Новосильцов назвал его, скорее всего, за принесшую ему скандальную известность книгу «О женщинах. Мысли старые и новые», которая вышла в 1886 г. и за несколько месяцев выдержала 5 изданий.

89

4 (16) июня 1889

С. Петербург, июня 4-е 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, сегодня получил письмо твое со стихами, и уже устроили сегодня же во время пиршества переговоры с Константином Константиновичем, великим князем, он мне сказал, что уже получил эти стихи, прочел Павлу Александровичу, и когда новобрачная, его племянница, хорошо будет понимать по-русски, а она уже и понимает, и поговаривает, то он ей их прочтет и даст на память о сегодняшнем дне. Я королеве говорил об этом, и оказывается, что та уже их прочла у брата. Вот тебе ответ на сегодняшнее письмо, — требую, чтобы ты сознался, что аккуратный корреспондент! Посуди сам, что бал почти за день! Утром в начале первого в полной парадной форме в ботфортах и лосинах в обтяжку я отправился во дворец, бракосочетание продолжалось до 3-х часов; потом домой, а в пятом часу обратно на парадный обед, я подавал заздравный кубок королеве! После обеда, во время которого я стоял за стулом королевы, имея при себе дежурного камергера и двух камер-пажей, я отправился обедать, но, не досидев, поехал домой, где разоблачился и облачился в другие лосины, в девятом часу так называемый куртаг или бал, без танцев, но с музыкой и польским официальным гуляньем по залу, затем конец, и я верхом у стекла или у колеса кареты парадной при шаговой езде проводил королеву в дом великого князя Павла Александровича, после чего, приехав домой, разоблачился окончательно и пишу к тебе эти строки, признаюсь, устал и Бога благодарю, что кончилось благополучно и что я по милости Божией не чувствую особенной усталости, но радуюсь, что кончился этот утомительный день. Покамест нечего более тебе сказать, «Московские ведомости» я здесь не получаю, а только в деревне, и прочесть не могу сейчас твоей статьи о твоём шурина, но прочту, поехав в Яхт-клуб завтра.

Вести из деревни не утешительные, но что же делать, в прошлом году и утешительнее был урожай, а год был тяжелый в финансовом смысле! Ну, Бог милостив, как-нибудь справимся.

Сегодня же я успел прочесть в «Русском вестнике» твои воспоминания, прелесть!¹ Жаль, что так коротко и что ты скупился или ленишься писать их. На днях, Бог даст, будет поспокойнее и напишу тебе потолковее! Теперь пойду спать, утро вечера мудренее.

Преданный тебе сердечно Ив. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 5 июня 1889;
2) Москва, 6 июня;
3) Коренная Пустынь, 7 июня 1889.

¹ Главы из «Моих воспоминаний» А. А. Фета начали печататься в № 8 за 1888 г., продолжение — в № 1, 6, 7 и 11 за 1889 г.

90

17 (29) июня 1889

ПЕТЕРГОФ. Июня 17-е 1889.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, посылаю тебе брошюрку, которую я только что прочитал, заглавие этой брошюры меня соблазнило, и я ее выписал сюда, прочел и воспылил желанием пропагандировать ее, 1 экземпляр, мною прочтенный, я дал королеве, она ее передаст государю, которому во время плавания в шкерах финляндских будет досуг прочесть хорошие, добрые мысли; ну купил еще экземпляра 3 и посылаю тебе, и был всегда в восхищении от того, что мне приходилось читать того же автора К. Леонтьева.¹ Помнится мне, что ты не совсем разделял со мною восторженного мнения о Леонтьеве, потом ты как-то отозвался в его пользу, и мне это было приятно услышать. Я бы рад был приобрести все, что Леонтьев ни написал, — но это, говорят, трудно, сочинения его не так раскупаются, как, например, сочинения, по-моему, <поганые> — Щедрина: это печать времени, которая, Бог даст, преходяща и, Бог даст, доживем до отрезвления совершенно, когда навоз и помойные ямы не будут кое-кому казаться фиалковыми букетами.

Третьего дня я случайно узнал, что великий князь твой, т. е. Константин Константинович, не прочел твоего стихотворения королеве — я тотчас же взял его, т. е. написанное тобой стихотворение для меня, в пакет и послал королеве, которой оно очень понравилось. Сегодня ожидаем возвращения цесаревича из Штудгарта, почему и отложили до завтра отъезд в Финляндские шкеры, назначенный было на сегодня. Королева едет или уходит катер с государем и императрицей и двумя детьми; я, слава Богу, остаюсь на суше, ехать на 10 дней на Воин — боюсь издержек, а то бы слетал туда вздохнуть, может быть, и не выдержу в городе. Признаюсь, жаль мне, что лето, как говорят немцы,

ферфушт!^а Но не смею горевать, памятуя пословицу «не так живи, как хочется, а как Бог велит», — а очень хотелось бы мне дернуть на Воин, куда я не только выслал кучера, конюха и Фейку рыжую, верховую кобылку, вышедшую из выездки совершенно удавшейся верховой, но жаль, что у нее вытянулись передние ноги, козенца нет, но не то, что было, когда ты мне ее доставил сначала. Здесь жизнь идет очень однообразно, переуду завтра в город, а если порадуешь весточкой — то адресуй, как всегда, на Дворцовую набережную, 26. После обеда завтра провожу царей на яхту и останусь пока здесь посмотреть на скачки, а на ночь домой. На Воине у меня, слава Богу, благополучно, дом выкрасили заново, кое-что подправили, и ехать можно бы, но тут теперь именины императрицы 22 июня, а там свадьба Петра Николаевича с княжной Черногорской.² Когда-то Бог приведет меня вздохнуть дома. И что там подельвается, какой урожай? Неважно, ну да Бог милостив, не клином сошлось — бывает у других и хуже, всегда боюсь петь Лазаря.

Довольно тебе недели, когда прочтешь брошюру Леонтьева, напиши о твоём впечатлении, можно сказать, *la critique est aisée, mais l'art est difficile*.⁶ А ошибись один раз — трудно поправить бывает. Мой сердечный поклон Марии Петровне.

Преданный тебе Ив. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.

станция Коренная Пустынь, в село Воробьевку.

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 17 июня 1889;

2) Москва, 18 июня;

3) Коренная Пустынь, 19 июня 1889.

¹ Имеется в виду трактат «Плоды национальных движений на православном Востоке» К. Н. Леонтьева, изданный отдельной брошюрой в 1889 г. в Москве.

² Свадьба вел. кн. Петра Николаевича и Милицы, дочери черногорского кн. Николы I, состоялась 26 июля 1889 г. в Петергофе.

91

11 (23) августа 1889

С. Петербург, августа 11-е 1889.

Дворцовая набережная, № 26.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас приехал с королевой в город и, захав домой, нашел письмо твое от 6-го текущего месяца: именно спешу отвечать, имея добрых 15 минут времени в своем распряжении. Благодарю за вести, а то я начинал беспокоиться, потому что на два письма и на посланную брошюру Леонтьева не получал от тебя ответа. На днях пошлю тебе так называемый ответ Леонтьеву, написанный Киреевым,¹ — слабое возражение! чего я не скрыл от автора, давшего мне свой ответ! Киреев, живущий в Павловске во дворце, —

^а пущено на ветер (*от нем. verfluchen — делать что-либо бесплодно*).

⁶ критика легка, искусство трудно (*фр.*).

славянофил, добрый человек, но немного восторженный и большого мнения о своей правоте в воззрениях и мышлении, чем, мне кажется, следовало бы ему быть! Есть и у Леонтьева место, где Крылов, мой профессор римского права, воскликнул бы, скривя голову свою направо: ай, ай, темна вода! И вспомнишь Бержере — ясно, просто, понятно всякому. Я полагаю, что ясно выражаешь то только, что ясно видишь, а есть хоть малешенький туман в мыслях — выходит туман горчайший в изложении! Не нужно быть витией, чтобы ясно понимаемую мысль ясно выразить. Оратор — это представление для публики, и часто приходится прослушать длинную рацию. Так отчасти и у Леонтьева: ответ дать короткий — трудно.

Вчера был в Красном Селе, закончился лагерь парадом,² прошло благополучно, без дождя, произведены новые офицеры, завтра государь отходит из Державы в Копенгаген, наследника государь посылает в Берлин на маневры! Не знаю, когда сам туда поедет. Королева останется здесь по случаю болезни великого князя-отца.³ Мне тоска невыразимая от сложившихся обстоятельств, и все мое лето пропало в мерзком болотистом летнем петербургском пребывании. Недельки на 2 или 3 отпрошусь и съезжу дня на 4 в Тамбов к Строганову, а потом заеду на Воин, где буду ждать, пока меня кликнут опять. Когда королева поедет и куда? Не знаю, в Копенгаген ли, на военном судне? Тогда и я с ней! То есть ты не поверишь, как мне это все надоело и как желательно отдохнуть на Воине. Поклон и позднее поздравление с принятием Святых Таин Марии Петровне.

Преданный тебе Ив. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.

станция Коренная Пустынь, в Воробьевку.

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 12 августа 1889;

2) <нрзб.> 13 августа 1889;

3) Коренная Пустынь, 14 августа 1889.

¹ *Киреев Александр Алексеевич* (1833—1910) — генерал-майор, публицист-славянофил, автор «Краткого изложения славянофильского учения» (1896). Новосильцов имеет в виду его брошюру «Народная политика как основа порядка» с подзаголовком «Ответ К. Н. Леонтьеву» (1889).

² Красное Село было местом летнего расположения Измайловского полка, подшефного вел. кн. Константину Константиновичу, которое он очень любил. Там часто устраивались музыкальные и литературные вечера, парады, смотры и т. д.

³ Имеется в виду отец К. Р., вел. кн. Константин Николаевич (1827—1892), которого в это время в крымском имении Ореанда разбил паралич.

28 августа (9 сентября) 1889

28 августа 1889.

СЕЛО ВОИН

Милый друг Афанасий Афанасьевич, только несколько строк, чтобы тебе сообщить, что я отпущен на самое короткое время не в отпуск,

а на побывку на Воин, пока не вызовут меня к королеве Ольге, когда ей потребуется возвращаться, или через Данию или позднее на Вену, откуда она с королем уже вернется в Грецию, а в Греции назначена свадьба наследника греческого престола на 15 октября старого стиля, 12 туда в Афины должен прибыть брат невесты, вечно странствующий император Германский.¹ Я здесь начеку и жду и боюсь телеграммы. Дай о себе весть и поклонись Марии Петровне.

Преданный тебе Ив. Новосильцов.

На конверте: станция Коренная Пустынь
Московско-Курской ж. д., в имение Воробьевку.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон 15, 29 августа 1889;
2) Московско-Курская ж. д., 29 августа 1889.

¹ Речь идет о бракосочетании Константина (старшего сына короля греческого Георга I и Ольги Константиновны) и Софьи, дочери Фридриха III Прусского.

93

2 (14) сентября 1889

Сентября 2-е 1889.

СЕЛО ВОИН

Милый друг Афанасий Афанасьевич, сегодня утром я был обрадован получением твоей грамотки, хотел было тебе послать телеграмму, но вспомнил, что ты этого рода сообщения недолюбливаешь, и решаюсь письменно тебе сообщить, что третьего дня я получил телеграмму, гласящую, что королева, мол, повелевает сообщить вашему превосходительству, что его величество полагает выходить на Вену около 10 числа. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Завтра с почтовым поездом пускаюсь в путь, остановлюсь в Москве, т. е. проведу понедельник в «Славянском базаре», и во вторник, если Бог милостив, обратно в Питер и так далее, и так далее, нужно будет устроить отъезд: императорский поезд, до Варшавы, оттуда будет поезд до границы Австрийской и прочая, и прочая, и прочая. Двумя словами «пошел валять». А я только что разнежился здесь, занялся кое-чем, а время летело быстро, то туда, то сюда, в доме в двух комнатах новый паркет, в Богородском новая двухэтажная рабочая изба, внизу каменная, а верх деревянный и новый белый в каменных столбах амбар, железом крытый и уже наполненный хлебишком, в Островке в 25 верстах новая рабочая изба тоже двухэтажная, но этой не успели посмотреть, затем лесные посадки прошлогодние и нынешние, которые начались хвойными посадками, и прочая, и прочая. Потом лошадки, пару твоих рыжих поведу в Петербург с надеждой продать, потому что вышла не пара, а две лошади одна больше другой и лучше, а другая пшик, как говаривал твой батюшка, щелкая двумя пальцами на воздух! Тоже поведу и своих четыре штуки — и все это деятельное занятие я прекращаю завтра и отправляюсь.

Государю не удалось читать Леонтьева, я подумал, королева это сообщила царю, она мне сообщила, что сама читала его и ей показалось скучным чтение, а потому она и не давала читать царю! Вот тебе и Леонтьев... Он политическое пишет умно, но тяжело для чтения всякого. Твои воспоминания я читаю с увлечением и жду — не дождусь, когда ты подаришь продолжением. Статьи Леонтьева мне не дочитать сегодня, справлюсь завтра на станции. Вчера я ездил верхом на твоей Фейке, выезжала хорошо, я ее выслал сюда в мае, красива, элегантна, благодарю Бога, что мне после долгого антракта поездить верхом, сел на нее, перекрестившись, и отъездил более часу, слава Богу, благополучно. Погода у нас здесь мерзейшая, холодно, утром 2 или 4 градуса и эти дни дожди, вчера крупа, из которой не сваришь кулеша. Галаховых не видал, в Орле не успел быть, получил письмо приветливое от губернатора. Хотелось мне побывать у епископа, чтобы привлечь его внимание на различные безобразия, но так не успел. Бог даст, может быть, по окончании моих королевских привилегий, приеду сюда на месяц, но не особенно соблазнительно пребывание в наших краях глубокой осенью, когда никого нет, а одному скучновато или, вернее, грустновато. Черную печать употребляю по случаю траура, скончалась моя двоюродная сестра Зинаида Мансурова — в Женеве, похоронили ее в Париже рядом с горячо любимыми мной ее отцом и матерью.

Жму тебе руку от всей души. Будь здоров и не поминай лихом сердечно преданного тебе

Ив. Новосильцова.

У меня скверные перья, свои забыл привезти с собой.

На конверте: Московско-Курской ж. д.

станция Коренная Пустынь, в Воробьевку.

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон 16; 4 сентября 1889;

2) <нрзб.> 4 сентября 1889.

94

7 (19) ноября 1889

С. Петербург. Ноября 7-е вечером.
Дворцовая набережная, 26. — 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, третьего дня я приехал сюда из Вены, куда я вернулся из путешествия по Венеции, Милану и Флоренции, здесь нашел письмо твое и немедленно же отвечал на него телеграммой, чтобы проворством хоть доказать тебе мою готовность и радость приютить тебя у себя, сейчас получаю твое письмо от 5-го, т. е. написанное, вероятно, за ¼ часа до получения тобой моей депеши! Итак, дело не за мною! Я вдвойне желал бы тебя приютить здесь, во-1, это доказало бы мне, что ты себя чувствуешь исправнее, а потом мне, право, было бы отраднее за тобою походить и заменить Марью Петровну с ловкостью почти военного человека. Я тебе отвечаю сей же час, потому что имею слабость предполагать в себе хотя одно качество Молчалина — аккуратность, об умеренности,

к сожалению, не могу того же себе приписать. Я не читал, разумеется, статьи твоей в ответ на статью Победоносцева,¹ вероятно, это на его рассуждения о семейных участках? Так, что ли? Меня это очень интересует, и я, признаюсь чистосердечно, читая статью Победоносцева, сочувствовал ее содержанию — отчасти — т. е. что неделимые участки в крестьянстве мне кажутся идеалом, к которому нужно стремиться — как равно следует избегать дробление и дележ незаконный, от которого у нас разорется большая часть крестьянских хозяйств. Но я всегда рад поучиться, и мне любопытно послушать твой голос в таком деле, где Победоносцев толкует о деле, ему на опыте неизвестном, мне же близко знакомом. Вообще когда такого рода речь идет с людьми, которых теперь высокопарно называют доктринерами, я вспоминаю спор между Дибичем-Забалканским и стариком Остерманом, который в конце концов заметил Дибичу, что он толкует о России: «Для Вас, графа Дибича, Россия: фрак, милостивый государь, а для меня шкура! Где нам иметь одно мнение?».²

Полно мне с тобой болтать, только что приехал и пошел тебе враз всякий в дверь. А напрасно Олсуфьев узнает о моем проезде через Москву, когда я во Флоренции или Милане, и напрасно он желает переводить римского поэта Сильвия! Об отсутствии сего перевода я не горевал еще николи.

Преданный тебе
Ив. Новосильцов.

Право, будет тебе и тепло и уютно! Приезжай!

На конверте: в Москве, Плющиха, в собственном доме.

Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 8 ноября 1889;

2) Москва, 9 ноября 1889.

¹ Статья К. П. Победоносцева «Семейные участки», опубликованная в сентябрьской книге «Русского вестника», касалась вопроса сохранения хозяйственной целостности семьи, в связи с появлением закона раздробления имуществ во Франции, который эту целостность нарушил. По мысли Победоносцева, семья, т. е. ее хозяйство, является опорой порядка и благосостояния государства, и его надо «уберечь от долгов и взысканий <...> и пагубного для многих кредита».

² *Дибич-Забалканский Иван Иванович* (1785—1831), граф — фельдмаршал, отличился в боях с Наполеоном и во время войны с Турцией (1828), перевел армию через Балканы. *Остерман-Толстой Александр Иванович* (1770—1857) — генерал-адъютант, шеф Павловского и Гренадерского полков. В армии с 1784 г., отличился в боях в Молдавии и Бессарабии (1790-е), с Наполеоном (1805 и 1812), в 1813 г. ядром ему оторвало левую руку.

95

23 ноября (5 декабря) 1889

С. Петербург. Дворцовая набережная, № 26.
Ноября 23 четверг. 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, сегодня утром получил твое письмо от 21-го, удивляюсь, что оно целыми сутками опоздало — разве ты, как и я теперь, написал с вечера и послал на почту на другой день! Я еще не читал последнего «Русского вестника», видел, что там меня ждет удовольствие, и отложил, как откладывают лакомство люди, смакующие

различные «вкусности», это выражение детское, которое как-то ловко приходилось в старину. Когда я знал, что в таком-то месте скрываются под замком различные пастилы, смоква, сухие варенья и проч., что водилось в деревнях и продолжает водиться на Воине! Знаю, что и Марья Петровна делает пастилу — но прототип сего хранится на Воине и присылается ежегодно. На этих днях я заболел, по милости Божией несерьезно, но меня из осторожности заперли дома, и я сижу дома, но слава Богу — чувствую себя порядочно и только берегусь, памятуя пословицу, что береженого Бог бережет. Жаль, что Берг не соблюл твоих наставлений,¹ не знаю, что он за человек, журнал его, мне кажется, хорош, и в выборе статей видна порядочность, но и это слово, после <бунтов>, которыми наши литераторы и газетчики себя прославляли с 60-х годов и поныне (вспомни «Русскую старину») и вообще всяких Стасюлевичей, Пыпиных, Семевских, Градовских² и даже Тургенева, который не постыдился говорить, что в «Первой любви» изображал своего отца, и часто говорил, что знал о своей матери). Но и это слово «порядочность» теперь относительное выражение, скажу и то — слава Богу, было хуже! Есть французское выражение для того чувства, о котором ты пишешь, — это *le sentiment de la pudeur du foyer!*^a Скромность ли это или я скорее полагаю чувство почтения перед домашним очагом, к которому ходили греться друзья семьи и семья! Это не дело публики туда глядеть, и что замечательно, чем очаг семейный скромнее и чем проще и чище около него живет, тем ревнивее оберегается его девственность! Чем более бы следовало инстинктивно скрывать от публики — тем более и охотнее является желание пускать туда «корреспондента»! И я знаю личности, которые, как Акакий Акакиевич в «Шинели» любил находить свое имя напечатанным в адрес-календаре, любят себя или своих видеть напечатанными или в газетах, или, еще приятнее, в книге! Я не из тех. Пишуте без письма так, чтобы не отстать ответом, желаю тебе быть здоровым — если, Бог даст, погода справится, может быть, увижу тебя у себя, искренно этого желаю...

Вероятно, не выдержу и сегодня же вечером начну читать твои воспоминания, которыми я всегда восторгаюсь. Помнишь ли ты, когда ты с Фелькелем ходил к какому-то Пикулю? И это имя для меня — мальчугана — звучало каким-то прелестным запретным недосягаемым плодом! На Лубянке! Будь здоров,

твой И. Новосильцов.

На конверте: в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Его Высокородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 24 ноября 1889;

2) Москва, 25 ноября 1889.

¹ Берг Федор Николаевич — см. Часть I, п. 10, примеч. 1.

² Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, журналист, публицист; с 1866 по 1909 г. редактор и издатель журнала «Вестник Европы». Пытин Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, литературовед, публицист, этнограф, академик (с 1898 г.). Написал довольно едкий отзыв о «Моих воспоминаниях» А. А. Фета.

^a чувство святости домашнего очага (*фр.*).

Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — редактор и издатель журнала «Русская старина» с 1877 по 1892 г., член Археографической комиссии. Градовский Александр Дмитриевич (1841—1889) — историк гос. права, один из ведущих публицистов либерального лагеря, поддерживал идею о совместимости самодержавия с демократическими свободами.

24 ноября (6 декабря) 1889

С. Петербург, Дворцовая наб., № 26.
Ноября 24. 1889.

Милый друг, от тебя мне письма через час по ложке! Вчера и сегодня тебе нет причины скромничать и не писать ко мне, боясь вызова на корреспонденцию. Вчера вечером не вытерпел и прочел твои «воспоминания» и повесть о твоей женитьбе.¹ Очень меня интересовало. Ничего не нахожу предосудительного в том, что ты упоминаешь моего отца, это ты просто сообщаешь факт; вот и все! — следовательно, auf mich verlaufenen Lanten bist du gut geblieben.^a Ты пишешь, что ковать лошадей много на два дня, — все понимаю — к чему же ты не куешь на винтах? У меня, да и, полагаю, здесь у всех, кроме, может быть, бедняков, моих тесок, т. е. ванек, все лошади зимой куются на винтах.

Читал ли ты письма Кохановской к моей старой близкой приятельнице Софье Ивановне Погодиной, рожденной Симон?² Вот она поминает о графе Льве Толстом и о той дребедени, которой он взялся сбивать с толку стольких тупоумных последователей, смутившихся в своих верованиях, не смею сказать — в своей вере, которая, вероятно, некрепко у них сидела!³ Стыдно Толстому гадить так то, что ему Бог дал, даже в евангельской притче не говорится о том, что получивший пять талант разменял и на них накопил яду, которым не только сам пообедался (за Толстого — не боюсь, он поврет, побезумствует и, глядя, и вернулся на путь истинный), но которым окормил столько несчастных! Одного я, между прочим, знаю, это единственный сын Черткова, бывший конногвардейский офицер, благовоспитанный, но не хорошо воспитанный, мать его рожденная графиня Чернышева-Кругликова, отец был мне близким приятелем, сколько этот дубина сын натворил и до сего дня творит горя своей матери, — отец его умер, — он женился на девице, тоже рехнувшейся от толстовщины. Жаль это видеть — а подумаешь, граф Лев Николаевич, с своим талантом мог бы иметь, именно в нашу эпоху расшатанных правил и понятий, такое чудное, сильное влияние на молодежь и на искусство, и на литературу. И все это бросить, чтобы скоморошничать и сбивать людей с толку и пути. Жаль, очень жаль.

Прошу тебя передать Марии Петровне поклон и сердечный привет мой. Скажи-ка мне, неужели нельзя достать и прочесть вещь твою, когда-то появившуюся, но которой мне не пришлось видеть, — «Дядюшка и племянник».⁴ Я все еще сижу дома, не выпускают,

^a по дошедшим до меня слухам, ты остался чистым (нем.).

но благодаря Богу чувствую себя, слава Богу, хорошо. Преданный тебе сердечно

Ив. Новосильцов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 25 ноября 1889;
2) Москва, 26 ноября 1889.

¹ Речь идет о «Моих воспоминаниях» Фета, продолжение которых печаталось в ноябрьском «Русском вестнике»: о его знакомстве с Боткиными и женитьбе на Марии Петровне, причем это описание московской жизни Фета по воле редактора заменило рассказ о поездке Фета в Италию с сестрой Надей, которого ждали читатели. Этот факт, а также многое другое (вольное обращение редакции с авторским текстом, большие промежутки времени при напечатании глав — три-четыре месяца и т.д.) послужило причиной разрыва Фета с «Русским вестником» (см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Гл. 6. Мемуары А. А. Фета: творческая история. Саратов, 2008. С. 326—330).

² *Кохановская* (наст. фам. Соханская) Надежда Степановна (1823—1884) — писательница. В № 10 «Русского вестника» за 1889 г. были опубликованы отрывки ее писем к С. И. Погодиной (1862—1884), принесенных в редакцию А. Д. Погодиным. Что касается ее отношения к Толстому, то в журнале «Гражданин» в № 8—11 за 1884 г. печаталась ее статья «Письмо к гр. Л. Н. Толстому по поводу его „Исповеди“».

³ О религиозно-философских воззрениях Л. Н. Толстого и об отношении к ним А. А. Фета написано немало: в своей переписке, которая велась долгие годы, оба писателя много размышляли и спорили на религиозные темы (см., например, работы: *Корчагина Л. П.* Диалог «умов сердца» (переписка Фета с Толстым) // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курс, 1992; *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета последнего десятилетия // Проза А. А. Фета. Саратов, 2008). Можно добавить, что суждения Фета о Толстом не были столь резки: «В доброту сердца Льва Николаевича я настолько же мало сомневаюсь, как насчет его громадного таланта, но что он идет по совершенно несимпатичному мне пути, это он знает. Толстой поучает и потому укоряет; я же только предлагаю желающим этого понять, что у ангорской кошки спина мягка, а у ежа колюча, но бранить нежелающих этого понять я не намерен» (из письма А. А. Фета к К. Р. от 6 мая 1890 г. РО ИРЛИ, ф. 137, № 76, л. 42).

⁴ Повесть А. А. Фета «Дядюшка и двоюродный братец», которую Новосильцов ошибочно назвал «Дядюшка и племянник», впервые увидела свет в 1855 г. в журнале «Отечественные записки», но успеха не имела; появились отрицательные о ней отзывы, доброжелательный — Н. А. Некрасова, и резкий анонимный, в котором говорилось, что «от колючей поэзии господин Фет перешел к пустынной прозе» (цит. по: *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 273).

97

14 (26) декабря 1889

С. Петербург, Дворцовая набережная, № 26.
Декабрь 14-е 1889.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, не могу не сказать нескольких слов сердечного участия по случаю постигшего жену твою горя, я не знаю, насколько отношения Сергея Петровича и Марии Петровны были близки, но когда мне приходилось в разговоре с Марией Петровной упоминать о ее брате, она всегда отзывалась о нем как добрая сестра.¹

Передай ей, пожалуйста, что я принимаю <сильное> и непритворное участие в постигшем ее горе, — не знаю, насколько семейство покойного доброго и высоко даровитого чиновника утешит Марию Петровну, но что-то мне говорит, что это уже не то.

Что тебе сказать отсюда — интересного мало — зимы нет, снега нет — и из деревни пишут то же; не буду заглядывать вперед и рассчитывать, что нам даст будущее лето, а что-то не совсем ладно. Брошюры твоего Столыпина² я прочел и послал для прочтения Сереже Строганову,³ который подвизается ныне уездным предводителем в Порхове, он тоже сочувственно относится к умеренной общине и даже начал вводить крестьянские хозяйства отдельными фольварками у себя в псковских имениях, т. е. отделял известное количество земли с усадьбой и все три поля кругом усадьбы! Я уверен, что он прочтет со вниманием и любопытством то, что ты пишешь об этом — если он мне что напишет об этом — сообщу. Здоровье мое так себе, поддерживается, но я осторожен и смотрю за собой, как за драгоценностью! Симпатии мои к «Вестнику Европы» все те же, и этот журнал не переступает моего порога; жаль, что ты не доволен «Русским вестником», т. е. бесцеремонностию его редакторов⁴ — видно, о всех журналистах можно сказать, что говаривал Собакевич о прокуре! Как ты поживаешь, виделся ли с графом Львом Николаевичем? Что, неужели он не продолжает дурить? Жаль, увидишь его, поклонись ему от меня, я чаю, он меня помнит и бывал у нас на Воине, — еще до той поры, когда начал дурить! Что Галаховы? Имеешь ли о них известия? Будь здоров и не поминай лихом преданного тебе сердечно

Ив. Новосильцова.

На конверте: Его Высочородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 15 декабря 1889;
2) Москва, 16 декабря 1889.

¹ Брат Марии Петровны Фет, знаменитый врач-клиницист и общественный деятель *Сергей Петрович Боткин* скончался 12 дек. 1889 г. в Ментоне (Франция) от болезни печени, отягощенной болезнью сердца. Его смерть имела огромный отклик в России: все учреждения, в которых он работал, старались увековечить память о нем, городская дума Петербурга переименовала Александровскую больницу в Боткинскую, его портреты выставлялись во всех городских больницах и богадельнях; Общество русских врачей открыло подписку для устройства «Боткинского дома призрения неимущих врачей, их вдов и сирот» и т. д.

² *Столыпин Дмитрий Аркадьевич* (1818—1893) — писатель, публицист. После окончания Крымской войны не стал продолжать карьеру военного, уехал за границу и, вернувшись в Россию, занялся устройством быта крестьян в своих имениях, досконально изучая уровень культуры полей, производительность почвы и т. д. Пришел к выводу, что корень экономических настроений русского народа лежит в общине. Публиковал статьи в «Русском вестнике», а также выпустил отдельные брошюры (Земледельческий порядок до и после упразднения крепостного права. СПб., 1887; Граф Н. С. Мордвинов в его сельскохозяйственной деятельности. СПб., 1889, и др.).

³ *Строганов Сергей Александрович* (1852—1923), граф — последний представитель знаменитого рода Строгановых, с 1884 г. после смерти жены значительное

время проводил в своем поместье Вольшево, построенном его отцом, Александром Сергеевичем Строгановым, в Порховском уезде (ныне село Вольшево Порховского р-на Псковской обл.).

⁴ С 1890 г. Фет прекратил печатать свои воспоминания в «Русском вестнике» и стал активно сотрудничать в журнале «Русское обозрение», редактором которого был знаковый Фета князь Д. Н. Цертелев (1852—1911).

98

9 (21) января 1890

Дворцовая набережная, 26. С. Петербург.
Января 9-е 1890.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, благодарю за письмо твое, писанное по приезду домой Марьи Петровны: постараюсь как-нибудь достать «Дядюшку и племянника», жаль, что ты свои воспоминания будешь помещать в «Русском обозрении» — я привык к «Русскому вестнику» и сожалею, что князь Цертелев из редакции вышел, боюсь, что пойдут писать «хлыщи всякие» и что «Русский вестник» делается чем-либо вроде остальных русских периодических изданий, служащих в большинстве случаев архивом для писаний и мыслей потомков второго Ноева сына! Вчера я получил письмо от нашего посла в Париже Моренгейма¹ — он мне, между прочим, сообщает четверостишие, им сочиненное на тебя и на наши прошлогодние заботы, коим ты в то время был свидетелем: вот что Моренгейм называет плодом недавно посетившей его инфлюэнцы:

Знаком мне ключ был Ипокрена
На Геликонской вышине;
Но ключ иной, для перемены
Теперь у Фета на спине!

Я подумал, что эта память о Моренгейме тебя позабавит, и сейчас же решил, чтобы сообщить его четверостишие!

Жаль мне, что ты мне некоторые вести сообщаяешь о твоём здоровье, и мне очень и очень бы хотелось, чтобы ты порадовал меня чем-либо более утешительным, здесь в обществе пошли люди на постановку «классических» драм и трагедий, право, это забава хорошая, играют порядочно и веселятся без задних мыслей, даже дошли до того, что у некоей г-жи Приселковой, рожденной княжны Лисневской, дают завтра «Власть тьмы» Толстого!² Ну это уже не по вкусу моему, и я не поеду смотреть. Охота копаться в навозе, хотя с талантом, сложенным в кучку! Это дело жуков и, пожалуй, других, по-моему, есть пословица: не тронь кой-чего, оно и не воняет!

Я посиживаю по утрам дома и берегусь, чтобы осторожностью оправдать пословицу, что береженого Бог бережет. Давай о себе весточки, всегда читаю твои письма, как бы смакуя конфетку, а я ценитель сих последних. Поклон Марье Петровне, будь здоров и не поминай лихом тебе сердечно преданного

Ив. Новосильцова.

Конверт отсутствует.

¹ Моренгейм Артур Павлович, барон — русский посол во Франции в 1884—1897 гг.

² «Власть тьмы», пьеса Л. Н. Толстого, написанная в 1886 г., долгое время была запрещена к постановке в России К. П. Победоносцевым. После триумфального шествия по Европе (пьесу играли в Италии, Германии, Франции) она была разыграна 11 янв. 1890 г. актерами-любителями под руководством актера Александринского театра В. Н. Давыдова в петербургском доме А. В. Приселкова.

99

20 января (1 февраля) 1890

С. Петербург. Дворцовая набер., 26.
20—21 янв. 1890.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, получил твое письмо в ответ на мое, в котором я тебе сообщил комическое четверостишие нашего посла в Париже, о Ключе Ипокрена. Ныне пишу к тебе так себе письмо без всяких намерений сообщить что-либо интересное из окружающего меня житья-бытья. Давали здесь «Власть тьмы» гр. Толстого, и все те, которые там были, громко заявляют, что играно было превосходно! Отчего же это, когда мы играли бояр, царей и проч., выходит, все не так-то хорошо? И стали разыгрывать роли всяких Акимов, Матрен и других, находящихся на низшей ступени общественного строя, — и выходит хорошо. Ведь это что-нибудь да значит! В благовоспитанном обществе нельзя предположить, чтобы женщин называли «суками», а тут смотришь, выходит это как-то естественно и говорится хорошо — с чувством, с толком, с расстановкой? Оказывается, должно быть, что мы ближе стоим к низшим слоям, чем к высшим, и к тьме ближе, чем к свету! Грустновато и так; и забыться этому нельзя; жаль, что Толстой с запасом таких средств к творчеству в искусстве возится и наслаждается в грязи — положим, относительной, но все-таки не там, где бы мне было желательно, чтобы наблюдательность его вращалась: впрочем, это его дело — один любит апельсины, а другой — репу; мне кажется, что хорошую репу легче огороднику вывести на свет Божий, чем какой-нибудь красивый розан. Разумеется, хорошего огородника я выше ценю, чем плохого садовника, — но Толстой мог бы быть хорошим садовником, и напрасно он увлекается репой.

Здоровье мое так себе, не смею жаловаться, но еще менее дерзаю им хвалиться: сию осторожно и берегусь, да что-то мне не по себе. На днях я стал читать «Рославлева» Загоскина — вот я и накинусь.¹ Как хорошо и спокойно, никаких тенденций, никаких задних мыслей и непозволительных поганных идеалов, с намеками, — хотелось бы больше таланта у Загоскина, но все-таки чисто, хорошо. На днях я читал ответ Соловьеву, писанный Киреевым,² который мне его прислал, — приятно читать ответ, но Соловьев, по-моему, заврался какою-то гадкой, низкой речью. Как ему не совестно думать то, что он думает, и говорить про Россию то, что он говорит, — тут есть такие мысли, которые сердцем осуждаются — а об уме и речи нет, сбили западники с толку нашего метафизика (Хемницер), и зашел ум его не за разум, а за врожденное всякому русскому чувство. Во Франции существовало выражение «La

pudeur du foyer». ⁵ Это чувство, по которому сор из своей избы или семьи не выносишь на большой свет, и любовь к родине как она есть. «Ma fille n'est par jolie, mais elle est mienne et je l'aime ainsi». ⁶ Нет, твой вегетарианец Соловьев, по-моему, жалок, и я от него отвертываюсь с омерзением...

Преданный тебе
Ив. Новосильцов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, на Плющихе, в собственном доме.
Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 21 января 1890;
2) Москва, 22 января 1890.

¹ *Загоскин Михаил Николаевич* (1789—1852) — писатель; его роман «Рославлев, или Русские в 1812 году» был издан в 1831 г. в Москве; в 1889 г. вышло новое собрание сочинений писателя в 7 томах, второй том которого с романом «Рославлев», очевидно, читал Новосильцов.

² А. А. Киреев вел с В. С. Соловьевым многолетнюю полемику. Упомянутая работа называлась «Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву» и вышла в свет в 1890 г. в Петербурге.

100

10 (22) февраля 1890

С. Петербург, Дворцовая набережная, № 26.
Февраля 10-е 1890.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, пришли мне «Дядюшку и двоюродного братца», а то мне это произведение достать будет здесь слишком, как говорят немцы, *umständlich*.⁵ Письмо твое с этим милым предложением я получил вчера вечером, оно помечено 7-м февраля, вероятно, ты его не в тот же день послал на почту. Всегда рад, получая письма с Плющихи, жаль только, что ты о здоровье своем даешь сведения неутешительные. Нынче у нас появилось солнце, которого давно давно не было видно, как-то ободряюще действует это благодарное светило! Сейчас окончил «сеанс» с моим массажистом и присел к письменному столу, чтобы отвечать тебе на милое письмо твое. Ты, между прочим, пишешь, что находишь в «Гражданине» симпатические статьи с направлением, которому сочувствуешь, — пусть так — я же сам Мещерского недолюбливаю,¹ — это гадина нахальная и плоская, и я, читая его статьи, не могу отделаться от этого впечатления. Само собой разумеется, что когда я читаю какую-либо газету, теперь я ее читаю так, по привычке, прочту дурацкие телеграммы о людях и происшествиях, о которых и не помышлял и о которых в тот же день забываю, но у меня и в уме, и в сердце о журналисте самое верное понятие, т. е. что это все дрянь людишки, отродье второго Ноева сына, всякие Суворины,

⁵ почтение к домашнему очагу (*фр.*).

⁶ Моя дочь некрасива, но она моя, и я люблю ее такой (*фр.*).

¹ хлопотно (*нем.*).

Нотовичи и невесть еще кто, Стасюлевичи, Семевские,² даже гадко их имена писать. Мецкерский — дрянь, про которого покойный Федор Иванович Тютчев говаривал, что это редкий тип *du pied plat exaltée!*¹ <Восторженный> ж..о лиз! Жаль, что, по мнению моему, правое дело имеет таких защитников! А какой «настоящий» человек пойдет теперь в журналисты? немислимо. Григорович? Да это опять такая же нравственная дрянь, как и другие, говорю «нравственная» не в смысле, что он человек нравственный. Читал ли ты в «Русском вестнике» его последнее произведение,³ ну что это за пустошь, и решаются же печатать такую дребедень. Надеюсь на первой неделе говеть, авось, Бог милостив, сподоблюсь причаститься, в продолжение говения я лишу себя удовольствия к тебе писать, но надеюсь, отговевши, дам себе волю.

Будь здоров и присылай «Дядюшку и двоюродного братца», очень любопытно прочесть. Мой сердечный поклон Марии Петровне и себе самому крепкое рукопожатие.

Преданный тебе
Ив. Новосильцов.

На конверте: в Москве, на Плющихе, в собственном доме.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 11 февраля 1890;
2) Москва, 12 февраля 1890.

¹ *Мецкерский Владимир Петрович* (1839—1914) — публицист, прозаик, издатель. Работал в газетах «Северная пчела», «Московские ведомости», в журнале «Русский вестник», затем создал свой — «Гражданин», в основном публикуя свои собственные произведения. Упорно отстаивал консервативные позиции. Многие современники считали его личностью малопривлекательной — за надменность, с одной стороны, и подобоострастное поведение перед сильными — с другой.

² *Суворин Алексей Сергеевич* (1834—1912) — публицист, литератор, издатель, гл. редактор газеты «Новое время». *Нотович Осип Константинович* (1847—1914) — публицист, издатель, драматург. О М. М. Стасюлевиче и М. И. Семевском см. примеч. 2 к п. 95.

³ Имеется в виду роман Д. В. Григоровича «Не по хорошу мил, а по милу хорош», напечатанный в январском номере «Русского вестника» за 1889 г.

101

19 февраля (3 марта) 1890

Февраля 19—20 1890.

С. Петербург. Дворцовая набережная, 26.

Милый друг Афанасий Афанасьевич, не могу видеть твоего письма у меня на столе без желания немедленно тебе отвечать, как говаривал старый мой дядька Андрей Алексеевич, «так и подмывает меня». Начну с выражения благодарности за «Дядюшку и двоюродного братца», сейчас же, по получении, т. е. вчера, начал чтение и «смакую потихоньку», не спеша, Боже мой, какой это мир открывается, и кажется не так давно, а перемен-то, перемен, другому, пожалуй, покажется все это волшебной

¹ экзальтированный подлец, восторженный холуй (фр.).

сказкой, а мне ясно видна действительность, чую более, чем чувствую, что все так было — и что тут нет красного словца для прикрасы. И вижу твоего отца, слышу его типические выражения с поднятой кверху ладонью и с щелчком! Спасибо тебе; когда прочту, возвращу тебе для передачи Семенковичу.¹ А жаль, что такая вещь сделалась редкостью, и написано и задумано хорошо, впрочем, я прочел страниц 20. Сейчас с нетерпением примусь за остальное. Приятно было мне прочесть и твое письмо, во всем согласен с тобой, разве только не хочется разделить с тобой твой взгляд на проявления галиматьи в дворянстве, все это, по-моему, натурально, в природе вещей — и 20 лет «постоянного» всасывания самых дурацких теорий гуманизма, разума, утилитаризма, либерализма и всасывания часто бессознательного, но постоянного — не может не пройти бесследно — и является ходатайство орловского дворянства и кое-каких других как признак, как говорят поляки, глупства, коего залежи и в дворянских башках богатеишие — главное, чего желать нам, — это чтобы вожди и выбираемые им второстепенные вожди были такие, какими им следует быть. О первом можно с доверием сказать, что он мыслит в общем правильно — но, разумеется, выбирает не всегда удачно в том хламе, который после 20-летнего безумствования нагроможден в высших сферах — это пройдет, лишь бы не сбили с толку самого вождя, а это кажется нелегко, потому что в нем есть и воля, и врожденное упрямство, которое не поддается соблазну умствований!² Окончу письмо после, а пока займусь Апишем!³ Хорошо, верно и меня очень занимает. Поклон и привет Марии Петровне, спасибо, что вспомнили о моем говении, очень счастлив, что сподобился причаститься 3-го дня. Всю прошлую неделю провел in besten Aufzwingung^a и немного утомился, Бог милостив, стану отходить.

Февраля 21-е. Хочу закончить начатое письмо и послать вместе с посылкой «Дядюшка и двоюродный братец», которых дочитал сегодня — прелестны — узнал в описаниях и княгиню Васильеву, и г-жу Лыкошину — которой голова походила на голову кузнечика в микроскопе! И типы же были! И кончил Апишь в монастыре на Афонской горе самоубийством, бросившись в море с отвесной скалы в самый день своего причастия! Не знаю, читала ли эту повесть или этот рассказ княгиня Оболенская, дочь Апиша: должно быть, жутко дочери помышлять о таком отце! А верно, и как Афанасий Никитович появляется изображенный с любовью — его речь, его ухватки, поговорки так живо напомнили почтенного твоего отца. Я хотел сегодня же послать тебе обратно книгу, но у меня ее выпросили почитать, и я не хотел отказать, и так повремени капельку!

Что сказать тебе еще про здешнее житье-бытье, часто слышно о дуэлях, о самоубийствах, слава Богу, все без грустного исхода, — между прочим, дрался на дуэли сын графа Льва Николаевича Толстого, тоже без последствий, т. е. без ран — но не скрою, что поведение графа Толстого, кутившего с непотребными девицами в квартире своего знакомого, не в его пользу!⁴ Вместо того чтобы выдумывать всякий вздор и философию и религию, не мешало бы графу Льву Николаевичу

^a в прекрасном безделии (нем.).

занияться воспитанием детей! Не чужих, которых он сбивает с толку, а своих собственных. И как мне жаль, когда иногда позадумаюсь о графе Льве Николаевиче, дал ему Бог и талант, и сердце, и ум, в воспитании его слышится «enfant de bonne maison», нет, надо все это коверкать и дурить, жаль, жаль, жаль. Вот таких-то средств человек мог бы быть защитником тех начал, которые и тебе, и мне близки, — и против такого таланта что может какой-нибудь Суворин, Григорович или какие там ни на есть писаки из газетного мира, нет — чем служить делу, служит безделью и галиматье.

Засвидетельствуй мой привет сердечный Марии Петровне и будь здоров, а меня не поминай лихом.

Ив. Новосильцов.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) Петербург, 22 февраля 1890;
2) Москва, 23 февраля 1890.

¹ Упомянутая повесть была во многом автобиографичной, и многие детали из жизни Фета, описанные в ней и в позднейших воспоминаниях, дополняют и уточняют друг друга, помогая восстановить подлинную биографию автора — что и подтверждается письмом Новосильцова. Подробнее см.: *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. С. 370—373 (коммент. Л. И. Черемисиновой к разделу «Рассказы и повести»).

Семенкович Владимир Николаевич (1861—1932) — двоюродный племянник Фета (его дед был женат на сестре Афанасия Неофитовича Шеншина, отца поэта), морской инженер. После выхода в отставку в 1887 г. поселился в Москве, и общение его с родственником проходило в последующие годы. На правах племянника оказался душеприказчиком покойного поэта; позже поместил о нем несколько статей. Был соседом А. П. Чехова: его имение Васькино находилось в 3 верстах от чеховского Мелихова. См. статью В. А. Кошелева «Об одной дневниковой записи А. П. Чехова. (К проблеме «Чехов и Фет)»», газ. «Литература». 2004. № 28.

² Речь идет об императоре Александре III.

³ Апишь — так называла тетушка главного героя повести Фета, Аполлона Шмакова.

⁴ В это время в Петербурге находился только старший сын Льва Толстого — Сергей Львович (1863—1947), который служил в управлении крестьянского банка и вскоре уехал в Тулу.

102

3 (15) апреля 1890

С. Петербург, Дворцовая набережная, 26.
Апреля 3-го 1890.

Милый друг, более следую привычкам аккуратности, чем инстинкту самосохранения, отвечая немедленно на твое милое письмо, на которое откликаюсь «воистину воскресе!». На прошлой неделе я заболел и до сего дня не оправился, ослабел, и вид мой незавидный. Бог милостив, может быть, справлюсь, и можно мне будет за силами поехать на Воин, но на все на это, что Бог даст. Я не мог не только есть постного на Страстной — но даже не мог бывать в церкви и у заутрени в светлый праздник тоже не был! К королеве меня не назначили, я полагаю,

из сострадания, потому что второй год торчать и не побывать в деревне, назначили графа Гендрикова, женатого на княгине Гагариной. Но ты себе вообразить не можешь всех любезностей, коими меня удостоивают великие мира сего. Королева у меня была 2 раза и просидела более часу в веселой болтовне; сегодня государь переезжает в Гатчину и приезжал прощаться. Такие милые и ласковые, <можно бы> поскорее поправиться и выбраться на Воин; там, как ни говори, и воздух, и погода, и весь образ жизни лучше и здоровее. Ночи три у меня было скверно, не спалось от суеты, делалось дыхание затрудненное, и к утру тряпка-тряпкой. К тому же 11 или 12 дней почти ничего не ел, кроме говяжьего соку, называемого бифти, очень питательное вещество, вот и все. Сегодня у меня был Барсуков, это для того чтобы спросить, может ли он в «Жизни и трудах М. П. Погодина» поместить эпизод стараний моего отца, по поручению твоего отца, на твоём поступлении к Погодину и в университет.¹ Я, разумеется, разрешил, ибо тут ничего нет, так сказать, серьезно семейного. А то ты знаешь мои «правила».

Ну, устал, настроив тебе более 3-х страниц всякой дребедени. Будь здоров, пожелай мне того же, поклонись Марии Петровне и облобызай себя, если сумеешь.

Преданный тебе
Ив. Новосильцов.²

На конверте: Москва.

Его Высочордию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
На Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 4 апреля 1890;
2) Москва, 5 апреля 1890.

¹ Фет писал об этом в книге «Ранние годы моей жизни»: «На другой день мы были уже в кибитке и через Петербург доехали в Москву. Здесь, по совету Новосильцова, я отдан был для приготовления к университету к профессору Московского университета, знаменитому историку М. П. Погодину» (*Фет А. А. Воспоминания. М., 1983. С. 123*).

² 26 мая (7 июня) 1890 г. И. П. Новосильцов умер. Константин Константинович (К. Р.) писал А. А. Фету 13 мая: «Вы не ошиблись, предположив, что И. П. Новосильцов нездоров — он снова захворал тою же болезнью сердца, от которой недавно оправился. На Страстной неделе мы навестили его с сестрою» (*К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 334*). Сохранилось также письмо Фета к К. Р. от 16 июля с упоминанием Новосильцова: «Приношу Вам сердечную признательность за милостивое слово участия к покойному И. П. Новосильцову. Я потерял в нем не только друга, но преданного брата. Это был чуткий и добрейший человек» (Там же. С. 340).